

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №1.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №1
Январь 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Гражданское право	4
ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ	4
Иванова Екатерина Анатольевна	
Гражданско-процессуальное право	13
ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	13
Паршиков Владислав Алексеевич	
Деятельность работников прокуратуры	19
ЗНАЧИМОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	19
Демина Алёна Николаевна	
Конституционное право	24
ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО КОДЕКСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24
Алексеев Фёдор Антонович Северьянова Виктория Сергеевна	
ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПУБЛИЧНУЮ СФЕРУ	30
Джураев Мухаммадшариф Зарифович	
Предпринимательское право	37
ДОГОВОР КОНТРАКТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	37
Паршиков Владислав Алексеевич	
Семейное право	42
ПРОБЛЕМА РАСПОРЯЖЕНИЯ ДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ	42
Спешилова Дарья Андреевна	
Трудовое право	50
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	50
Кузин Сергей Николаевич	

Бегиев Альфред Эдуардович

Уголовное право **57**
ЗАЩИТА ПРАВ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ **57**

Архипова Анна Александровна

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ
НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ **65**

Гораева Ульяна Сергеевна

Уголовно-процессуальное право **70**

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ЭПОХУ ЦИФРЫ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ
ТРАДИЦИОННОЙ РОЛИ НА СТАДИИ СЛЕДСТВИЯ **70**

Жидков Данила Игоревич

Экологическое право **75**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ОСОБОЙ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ДИКИХ
ЖИВОТНЫХ **75**

Кабаев Валентин Алексеевич

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.763

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Иванова Екатерина Анатольевна,

магистрант 2 курса

ФГБОУ ВО УдГУ,

г. Ижевск, Россия,

katerina.zag5@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу влияния международных санкций на исполнение договора перевозки грузов железнодорожным транспортом. Обсуждение аспектов, связанных с изменением условий договора и ответственностью сторон, позволяет понять, как санкционные ограничения формируют новое правовое пространство в сфере железнодорожных перевозок и способствуют выработке эффективных механизмов для борьбы с ними.

Ключевые слова: договор перевозки грузов, санкционные ограничения, железнодорожный транспорт, форс – мажор, международные санкции, ответственность, логистические маршруты

Договоры перевозки грузов железнодорожным транспортом занимают особое место в системе транспортных договоров и регулируются как национальным, так и международным законодательством. Основной целью таких договоров является обеспечение безопасной и своевременной доставки

грузов от отправителя к получателю на условиях, которые определены соглашением. Помимо того, что они включают в себя обязательства по перевозке грузов из одного пункта в другой, они также подразумевают соблюдение ряда условий, связанных с финансированием, страхованием и ответственностью сторон.

Введенные Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки санкции в отношении Российской Федерации существенно трансформировали договоры перевозки грузов железнодорожным транспортом. Влияние международных санкций на исполнение договоров железнодорожной перевозки грузов является актуальной проблемой, затрагивающей правовые и экономические аспекты транспортной логистики. Актуальность анализа влияния международных санкций на условия таких договоров с каждым днем становится все более высокой, особенно на фоне растущего числа конфликтов и обострения геополитической ситуации. В современном мире, где глобализация экономики увеличивает взаимозависимость государств, вопросы, связанные с правовыми последствиями санкционных ограничений, становятся особенно значимыми. Действие санкций затрагивает как непосредственных участников перевозочного процесса — грузоотправителей, перевозчиков и грузополучателей, так и третьих лиц: страховые компании, брокеров и других участников логистических цепочек. Для участников железнодорожных перевозок важно понять, каким образом изменение политической обстановки и введение санкций могут повлиять на исполнение обязательств по перевозке и доставке грузов в установленные сроки.

Международные санкции представляют собой меры, принимаемые государствами или международными организациями, сообществами в целях воздействия на другие государства, организации, группы или отдельных лиц с целью изменения их действий, поведения или политики. С точки зрения права международные санкции могут быть как обязательными, так и рекомендательными. Обязательные санкции, как правило, требуют

реализации их всеми государствами - членами. Рекомендательные меры могут включать в себя призывы к государствам, но не предполагают обязательного выполнения. Это различие имеет важное значение для участников железнодорожных перевозок, так как определяет степень воздействия санкций на коммерческие отношения.

Эффективное управление логистикой и цепями поставок невозможно без детального анализа условий исполнения договоров перевозки грузов. Изучение таких условий договора, как ответственность сторон, порядок оплаты, сроки доставки, условия страхования, а также соответствие их законодательным требованиям, составляет основу успешного функционирования системы грузовых перевозок. Введение санкционных ограничений, в свою очередь, может способствовать изменению первоначально согласованных условий договора, что способно затронуть права и обязанности сторон.

Изменения в условиях договора перевозки грузов железнодорожным транспортом могут быть вызваны не только прямыми санкциями, но и вытекающими из них последствиями экономического характера.

В свою очередь введение санкций может привести к изменению логистических маршрутов, сбою в платежных системах, росту цен из-за повышения стоимости топлива и ресурсов, а также к невозможности исполнения обязательств в установленный сторонами соглашением срок из-за задержек при пересечении границы или транзитных ограничений. Изменение сроков исполнения обязательств также может быть вызвано ограниченным или затрудненным доступом к необходимым технологиям и оборудованию. Например, если организация - перевозчик для поддержания собственного оборудования в исправном состоянии зависима от импортных запчастей, введение санкций может повлиять на сроки и качество предоставления услуг. Другой пример - при наложении санкций, касающихся финансовых

транзакций, грузоотправитель может оказаться в ситуации, когда он не сможет оплатить услуги перевозчика.

Не менее важно учитывать и юридические последствия изменений, связанных с введением санкций. К ним можно отнести установление ограниченного доступа к ключевым, критически важным маршрутам, резкое увеличение стоимости страхования и логистических услуг. В зависимости от содержащихся в договорах формулировок изменение условий в них может привести к необходимости пересмотра сроков доставки, изменению маршрутов перевозок или полной невозможности исполнения обязательств, что повлечет за собой дополнительные риски и ответственность сторон. В условиях санкций не всегда можно однозначно определить, кто именно должен нести финансовые потери в случае просрочки исполнения обязательств или иных ситуаций, являющихся причиной дополнительных расходов. Это, в свою очередь, создает риск возникновения конфликтов и правовых споров между сторонами договора.

Следовательно, ответственность сторон договора в условиях санкций становится еще одним актуальным вопросом. Здесь важно отметить, что изменение условий договора не является основанием освобождения от ответственности. Поскольку санкции могут быть временными или распространенными лишь на определенные виды грузов, каждая ситуация требует индивидуальной и тщательной оценки с точки зрения права. В этом контексте участники отношений по перевозке грузов железнодорожным транспортом должны учитывать возможность возникновения правовых конфликтов, а также заранее определить подходы к оценке убытков и компенсаций.

Так, например, в контексте железнодорожных перевозок могут возникнуть ситуации, когда одна из сторон, объясняя невозможность исполнения обязательств, может сослаться на санкции как на форс-мажорные обстоятельства. Следует учитывать, что в условиях санкционной политики

суды могут различно трактовать форс-мажорные обстоятельства и их влияние на возможность исполнения обязательств. Это обстоятельство требует от участников отношений по перевозке грузов железнодорожным транспортом тщательной оценки и проработки всех возможных рисков, связанных с санкциями, и поиска фундаментальных оснований для качественной защиты прав и интересов в случае возникновения судебных споров.

Формирующаяся на протяжении последних нескольких лет судебная практика по распределению ответственности и рисков, связанных с международными санкциями, демонстрирует противоречивый характер. В этой связи следует проанализировать, каким образом санкционные ограничения влияют на ответственность сторон и какие обстоятельства суды принимают во внимание при решении вопроса о признании обстоятельств форс-мажорными. Для комплексного анализа целесообразно рассмотреть судебную практику о квалификации форс-мажора, масштабировав исследование не только на договоры железнодорожной перевозки грузов, но и на смежные категории дел.

Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2018 г. №Ф08-6985/18 по делу №А53-3447/2018 [4] суд отклонил довод кассационной жалобы ответчика, указав, что введенные странами Европейского Союза и Соединенными Штатами Америки в отношении Российской Федерации экономические санкции не являются основанием для освобождения от ответственности за нарушение сроков исполнения договора.

В Определении судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. №301-ЭС16-18586 по делу №А39-5782/2015 [2] суд при решении вопроса, являются ли санкции обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором), ограничился лишь толкованием договора и указал, что введение внешнеэкономических санкций не отнесено

условиями договора к числу обстоятельств, освобождающих стороны от исполнения обязательств по договору.

Применительно к договору перевозки грузов в качестве примера можно привести Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2025 г. №Ф05-15919/25 по делу №А40-212138/2024 [3]. Из материалов дела следует, что ответчиком ОАО «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») была допущена просрочка доставки груза. Обжалуя решение суда нижестоящей инстанции, Ответчик указал, что задержка вагонов в пути следования вызвана объективными и независящими от перевозчика обстоятельствами, в отношении ОАО «РЖД» введены экономические санкции. Суд отклонил эти аргументы, посчитав их необоснованными, указав, что ОАО «РЖД» допустило просрочку доставки груза и не предоставило достаточных доказательств для снижения размера пени, ссылаясь на коммерческую неисправность вагонов. Суды посчитали, что ограничение ответственности перевозчика за нарушение обязательств нарушает баланс интересов двух коммерческих организаций, являющимися критически важными объектами инфраструктуры Российской Федерации, равно находящихся под санкционным давлением. Санкции были расценены судебными инстанциями как фактор, усиливающий важность соблюдения сроков доставки груза для обеих сторон, особенно для Истца, как для предприятия, выполняющего государственный оборонный заказ.

Напротив, Верховный суд Российской Федерации в Определении от 20 августа 2018 г. №307-ЭС18-11373 по делу №А56-89542/2016 [1] согласился с судами нижестоящих инстанций и признал невозможность исполнить обязательство из-за введения санкций в качестве форс-мажорного обстоятельства. При этом суд учел и принял во внимание поведение Ответчика, который предпринял все разумные меры для минимизации последствий обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) и исполнения обязанности в кратчайшие возможные в таких условиях сроки.

Важно также учесть, что международные санкции оказывают значительное влияние и в части изменения отношения третьих лиц к правовым отношениям по перевозке грузов. В частности, в контексте международных торговых отношений и перевозок грузов железнодорожным транспортом имеет значение влияние санкций на доступ к страховым услугам. Некоторые страховые компании могут пересмотреть условия страхования грузов и отказаться от определенных рисков, связанных с перевозками в условиях санкций, или даже отказаться от их обеспечения. Данное обстоятельство обостряет ситуацию для тех, кто зависит от страхования. Особенно это касается договоров, предметом которых является перевозка опасных грузов, которые требуют особого подхода. В том случае, если санкции прямо запрещают страхование определенных грузов или перевозок, то договор страхования может быть не заключен, и тогда ответственность за утрату или повреждение груза будет нести перевозчик в пределах, установленных законом и договором.

В ответ на санкции происходит усиление роли национальных страховых организаций, в первую очередь Российской национальной перестраховочной компании, которая стала основным перестраховщиком для санкционных и связанных с ними рисков. Это значит, что страхование большей части грузовых железнодорожных перевозок, особенно стратегических или связанных с санкционными отраслями, теперь обеспечивается преимущественно за счет внутренних возможностей. Вместе с тем происходит пересмотр договорной практики - страховщики вносят изменения в стандартные условия страхования (оговорки, исключения), более четко прописывая последствия санкций как форс-мажорное обстоятельство или как исключение из покрытия. Это требует от сторон договора перевозки грузов железнодорожным транспортом более внимательного отношения к соглашениям.

В этом контексте правильная организация порядка разрешения споров приобретает особую значимость. Разработка эффективных механизмов для урегулирования конфликтов, связанных с изменением условий договоров и санкциями, станет важным шагом к минимизации правовых рисков. Участники перевозок должны быть готовы к судебным разбирательствам и альтернативному способу разрешения возникших споров, в определенных ситуациях при этом учитывая специфику законодательств государств, которые участвуют в железнодорожных перевозках, а также международные нормы и правила.

Сложившаяся практика показывает, что участники правоотношений в сфере грузовых перевозок должны адаптировать свои стратегии в ответ на тормозящие факторы, возникающие в результате вызовов, связанных с санкционной политикой других государств. Это включает в себя разработку таких механизмов, которые были бы способны минимизировать риски и оптимизировать процессы, связанные с изменением условий исполнения обязательств.

Таким образом, санкции, как внешние, объективные и непредотвратимые события, в определенных случаях могут подпадать под определение форс-мажора, но для признания их таковыми требуются доказательства их влияния на возможность исполнения договора.

Санкционные ограничения приводят к необходимости пересмотра условий договора, что, в свою очередь, может вызвать дополнительные юридические и финансовые риски. В связи с этим необходимость пересмотра практики заключения и исполнения договоров становится более актуальной, что подтверждается существующими юридическими нормами и правоприменительной практикой.

Говоря о последствиях международных санкций для участников железнодорожных перевозок, следует также отметить, что они не только затрагивают условия договоров в части сроков исполнения обязательств, но и

существенно меняют подход к ответственности сторон и разрешению возникающих споров. Анализ различных правовых последствий, затронутых в статье, подтверждает необходимость адекватного реагирования участников железнодорожных перевозок на изменения в международной ситуации. Участникам рассматриваемых правоотношений следует учитывать не только текущие введенные ограничения, но и возможные изменения в будущем. Понимание данных аспектов позволит более эффективно управлять рисками и обеспечивать законность осуществляемых операций. Рассмотрев эти вопросы, представляется, что ключевой задачей в настоящее время становится умение адаптироваться к новым условиям без ущерба для коммерческой деятельности с соблюдением правовых норм.

Библиографический список использованных источников

1. Определение Верховного суда Российской Федерации от 20 августа 2018 г. №307-ЭС18-11373 по делу №А56-89542/2016.
2. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. №301-ЭС16-18586 по делу №А39-5782/2015.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2025 г. №Ф05-15919/25 по делу №А40-212138/2024.
4. Постановление Арбитражного суда Северо - Кавказского округа от 13 сентября 2018 г. №Ф08-6985/18 по делу №А53-3447/2018.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.94

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Паршиков Владислав Алексеевич,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО ТулГУ,

г. Тула, Россия,

v_parshikov05@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам оценки электронных доказательств в гражданском процессе. Анализируются специфические свойства электронных носителей информации и возникающие в связи с этим сложности. Особое внимание уделено электронной переписке в мессенджерах. Делается вывод о необходимости детального законодательного регулирования и разработки специальных критериев оценки цифровых доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, оценка доказательств, цифровизация, электронный документ, ЭЦП, переписка в мессенджерах, скриншот, допустимость доказательств, верификация.

С учетом широкого распространения информационных технологий в гражданских правоотношениях, суды столкнулись с проблемой оценки электронных доказательств, представляемых участниками процесса. Эта тема становится особенно актуальной на фоне повсеместной информатизации судебной системы различных уровней. Следует отметить, что использование электронных документов в качестве доказательств в гражданских делах вызывает определенные трудности, поскольку цифровизация общества

происходит гораздо быстрее, чем изменения в законодательстве, что снижает эффективность правового регулирования этой сферы.

Электронные носители информации кардинально отличаются от традиционных вещественных доказательств, что требует применения специфических методов работы с такими доказательствами. Вещественные доказательства всегда содержат следы материального мира и даже будучи предметом сделки, таким образом, имеют доказательную силу. Изменить восприятие предмета можно только через непосредственное физическое воздействие на него. Сохранение характеристик таких предметов обеспечивается с помощью стандартной упаковки. Электронные доказательства должны храниться в условиях, исключающих возможность удаленного воздействия на них.

К особенностям использования электронных доказательств можно отнести следующее:

- доказательственное значение имеет сама электронная информация, а не физические или технические свойства ее носителя, при этом информация может быть в любом читаемом, зашифрованном или заархивированном виде;
- электронная информация возникла не в ходе производства по гражданскому делу и не является общедоступной;
- восприятие электронных доказательств становится возможным только с применением специального устройства и, в некоторых случаях, с участием специалиста;
- в содержание электронных доказательств могут быть внесены изменения, тогда как носитель информации может не подвергаться изменению;
- внесение изменений в хранимую на техническом носителе электронную информацию может не оставлять материальных следов, но сохранять метаданные.

Учитывая обязательность наличия ЭЦП на электронных документах, возникают сложности на практике, когда суды, например, не признают такой документ допустимыми без нее [5].

Электронные доказательства особенны тем, что их можно удалять, скрывать, шифровать или перезаписывать. Это может создать серьезную проблему при установлении подлинности. Поэтому наличие ЭЦП далеко не единственное требование к допустимости электронного документа как доказательства в гражданском процессе.

Особенность формы электронного документа предполагает введение дополнительных критериев оценки такого рода доказательств, среди которых можно отметить следующие [6, с. 112]:

- надежность способа, с помощью которого подготавливался, хранился или передавался электронный документ;
- надежность способа, при помощи которого обеспечивалась целостность информации;
- надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель;
- правильность способа фиксации информации, ведь закрепление информации на современном источнике может отражаться на достоверности данного электронного доказательства.

Основываясь на этом, следует рассмотреть электронную переписку в мессенджерах в аспекте относимости к электронным доказательствам и доступности в понимании информации на электронном носителе.

Электронные сообщения как таковые могут относиться к данным объектам, исходя из определения электронного сообщения как «информации, переданной или полученной пользователем информационно-телекоммуникационной сети», прописанного в ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6].

Одним из часто используемых способов представления электронных переписок в суде являются скриншоты, сделанные с устройства, на котором велась соответствующая переписка. Однако, если другая сторона будет оспаривать факт отправки таких сообщений, у суда могут возникнуть сомнения, даже несмотря на наличие нотариального заверения такого доказательства для предоставления. Более того, пользователи некоторых мессенджеров могут удалять или изменять сообщения, что делает это доказательство ненадежным.

Альтернативой нотариальному заверению является обеспечение доказательств судом. Это предусмотрено ст. 64 ГПК РФ, в которой говорится о том, что лица, участвующие в деле, имеющие основания опасаться, что представление необходимых для них доказательств окажется впоследствии невозможным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств. Для этого лицо, нуждающееся в обеспечении электронного доказательства, направляет в суд ходатайство, в котором обосновывает такую необходимость [2, с. 190].

В Определении № 5-КГ22-144-К2 от 07.02.2023 Верховный Суд РФ указал, что отказ суда в приобщении скриншотов переписки в качестве доказательства является нарушением норм процессуального права [4]. Несмотря на внимание данному виду доказательств со стороны высшей судебной инстанции, следует отметить, что суд может столкнуться с трудностями в восприятии информации, содержащейся в электронной переписке. Это связано с тем, что такие сообщения часто содержат сокращения, искажения слов, сленг и разговорный стиль общения. В таких ситуациях однозначно интерпретировать сообщение так, как его понимают все участники процесса, практически невозможно.

Следует подчеркнуть, что сложностью в оценке в правоприменительной практике являются эмодзи — язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах, а также используемый для

выражения эмоций в виртуальном общении. Здесь также встает вопрос о восприятии той или иной картинки каждым участником гражданского процесса. Одни и те же эмодзи могут иметь разное значение в разных культурах. Например, улыбающийся смайлик в Китае может означать не «радость», а «презрение» [3, с. 342]. Кроме того, далеко не все суды готовы к трактовке эмодзи, особенно это касается судей, которые плохо знакомы с интернет-культурой.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о необходимости более детального законодательного урегулирования электронных доказательств, а также о необходимости определения порядка надления ряда электронных данных доказательственным значением и исследования судом данного доказательства, поскольку данная категория доказательств имеет отличия от других доказательных средств, таких как письменные и вещественные доказательства [1, с. 13]. Оценка электронных доказательств остается зоной дискуссий на стыке права и технологий. С одной стороны, цифровые данные предоставляют уникальные возможности для установления истины — от точной фиксации времени событий до непрерывного мониторинга действий сторон. С другой — их изменчивость, зависимость от технических носителей и сложность верификации создают риски ошибок и злоупотреблений.

Библиографический список использованных источников

1. Зарубина М.Н., Бартош И.Н. Применение электронных доказательств в цивилистическом процессе // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. — 2023. — № 5 (53). — С. 11-15.
2. Лихолетова Н.А. Скриншот как электронное доказательство по гражданским делам // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: Сборник материалов Всероссийской научно-

практической конференции, Абакан, 21 апреля 2023 года. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2023. — С. 188-190.

3. Надырова Р.Н. Электронная переписка в мессенджерах как доказательство в гражданском судопроизводстве // Пермский период: Сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. — Пермь: Изд-во Пермского ин-та ФСИН, 2024. — С. 339-342.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.01.2025).

5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2023 № 17АП-14673/2022(2)-АК по делу № А71-5162/2022 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.01.2025).

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31.

7. Шапиро И.М., Попова Л.В. Доказательственные критерии электронного документа в судопроизводстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2024. — Т. 39. — № 4. — С. 109-116.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ

УДК 347. 962

ЗНАЧИМОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В ПРАВОВОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Демина Алёна Николаевна,

студент 3-го курса

Ижевского института (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России),

г. Ижевск, Россия,

alenademina249@gmail.com

Аннотация: важно отметить, что данная статья посвящена детальному изучению значимости деятельности прокуратуры в правовом просвещении населения, с целью предотвращения нарушений прав человека. Особенность заключается в анализировании основных аспектов деятельности прокуратуры в этой области для обеспечения законности и правопорядка.

Ключевые слова: гражданин, права, свободы, деятельность прокуроры, правовое просвещение.

Прокуратура, как орган, осуществляющий надзор за соблюдением законодательства, играет ключевую роль в защите прав граждан и укреплении правопорядка. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях растущих внешних и внутренних угроз, вызовов, связанных с соблюдением прав человека, прокуратура не только реагирует на уже произошедшие нарушения, но и активно работает над их предотвращением.

Права и свободы человека и гражданина нашли свое отражение во 2 главе Конституции Российской Федерации. Регулирование осуществляется несколькими способами: через гарантированный перечень прав и свобод (ст. 19), установление фундаментальных принципов их реализации (ст. 17), создание правовой основы и определение механизмов защиты прав (ст. 45) [2].

При изучении федерального законодательства, мы должны учесть положения статьи 27 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации»: прокуратура осуществляет свои функции в том числе с целью защиты прав и свобод человека и гражданина [3].

Это законодательное основание позволяет прокурорам осуществлять активные меры для предотвращения нарушений прав граждан, общества и государства, путем принятия актов прокурорского реагирования.

Как справедливо отмечал 07 июня 2024 года Генеральный прокурор Российской Федерации Краснов Игорь Викторович: «Генеральная прокуратура, будучи главным надзорным ведомством страны, в рамках своих широких полномочий, как и прежде, будет в полной мере обеспечивать гарантии прав граждан России» [1].

В частности, опираясь на статистику, размещённую на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь 2023 г.», в надзоре за исполнением законов, соблюдении прав и свобод человека и гражданина установлено нарушений в количестве: 293 600, что на 8430 актов реагирования больше, чем за январь 2022 г. [7].

Одним из главных направлений деятельности прокуратуры является выявление потенциальных угроз правам человека и их ранняя профилактика. Это включает в себя мониторинг законодательства, анализ практики его применения, а также взаимодействие с другими государственными и неправительственными институтами. Превентивные меры, реализуемые

прокуратурой, способствуют созданию правовой среды, где нарушения прав человека минимизируются, а граждане могут уверенно реализовывать свои права. Однако, несмотря на наличие законодательно установленных механизмов, эффективная реализация этих мер сталкивается с рядом проблем.

Анализ действующего Федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает, что в полномочиях не предусмотрено закрепление, отвечающее вопросам правового просвещения населения. Представляется обоснованным говорить о необходимости введения абзаца 5 часть 1 ст. 27 для восполнения данного пробела настоящего Федерального закона.

Также считаем необходимым внести редакцию главы 8 Приказа Генпрокуратуры России от 11.05.2016 № 276 (ред. от 14.08.2023) «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» [5].

Тем самым переименовать название главы в «Рассмотрение обращений приема граждан, организация приема граждан и правовое просвещение населения». Добавить пункт 8.11 относительно порядка работы правового просвещения населения.

В целях проведения исследования были изучены ведомственные нормативные акты, исходя из них автор пришел к выводу, что требуется расширить содержание «Положения о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации» [6] в связи с правовой регламентацией Приказа Генпрокуратуры России от 02.08.2018 № 471 (ред. от 31.08.2023) «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [4]. В четвертой части установлено, что ответственность за организацию и координацию мероприятий по правовому просвещению и информированию, доверено – на Главное управление по надзору за исполнением федерального

законодательства. В связи с этим, предлагается ввести в ранее упомянутое положение пункт 4.11 для создания отдела по реализации правового просвещения населения.

Правовое просвещение, осуществляемое органами прокуратуры, имеет важное значение для формирования правового сознания общества, повышения правовой грамотности граждан и профилактики правонарушений. Дальнейшее взаимодействие с гражданами повысит доверие к органам и улучшит общественное восприятие их работы. Таким образом, правовое просвещение, проводимое органами прокуратуры, играет ключевую роль в укреплении правового государства, защите прав человека и обеспечении законности и правопорядка.

Библиографический список использованных источников

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям» [Электронный ресурс] // официальный сайт Генеральная прокуратура Российской Федерации - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/interviews-and-presentations/e5549334/> (дата обращения: 15.01.2026);
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // СЗ РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4412;
3. «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17.01.1992 года № 2202-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 14.01.2026);
4. «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»: Приказ

Генпрокуратуры России от 02.08.2018 № 471 (ред. от 31.08.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304447/ (дата обращения: 14.01.2026);

5. «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации»: Приказ Генпрокуратуры России от 11.05.2016 № 276 (ред. от 14.08.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198120/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 13.01.2026);

6. «Положение о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (утв. Генпрокуратурой России 25.01.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411115/ (дата обращения: 24.11.2024);

7. Статистические данные – Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] // официальный сайт Генеральная прокуратура Российской Федерации - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 13.01.2026).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.8

**ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО КОДЕКСА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Алексеев Федор Антонович,

Студент 2 курса,

Институт прокуратуры

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

fedoralekseev1106@gmail.com

Северьянова Виктория Сергеевна,

Студентка 2 курса,

Институт прокуратуры

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

2006zazcac@gmail.com

Научный руководитель:

Дубровина Юлия Яковлевна,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель

кафедры конституционного права

имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева.

г. Саратов, Россия

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос кодификации избирательного законодательства в Российской Федерации, который остается

актуальным на протяжении многих лет. Основным источником избирательного права в России является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. В статье упоминается проект Избирательного кодекса, внесенный в Государственную Думу, который направлен на систематизацию действующего законодательства и устранение его недостатков. Также рассматриваются примеры успешной кодификации на уровне субъектов Федерации, в частности, Избирательный кодекс Белгородской области, который служит моделью для унификации электоральных процедур.

Ключевые слова: Избирательное законодательство, Российская Федерация, Федеральный закон, Избирательный кодекс, Государственная Дума, кодификация, демократические выборы.

Вопрос кодификации избирательного законодательства в Российской Федерации неоднократно поднимался не только в научных кругах, но и на государственном уровне. Но, несмотря на это избирательный кодекс в настоящее время еще не принят. Анализ действующего законодательства позволяет понять, что на данный момент главным источником избирательного права в России является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3]. Данный закон закрепляет и структурирует основные нормы избирательного процесса в стране, главенствует по отношению к другим избирательным законам Российской Федерации и законам субъектов РФ.

Хотелось бы отметить, что в Государственную Думу РФ С.М. Мироновым, Н.В. Левичевым, И.В. Пономаревым и другими был внесен проект Избирательного кодекса Российской Федерации [7]. Как указывают инициаторы законопроекта в пояснительной записке, «представленный проект направлен на систематизацию действующего избирательного законодательства и законодательства о референдуме, устранение в нем

противоречий, пробелов и положений, допускающих неоднозначное толкование, а также устранение дублирования норм в разных законах. Он призван сделать избирательное законодательство и законодательство о референдуме более понятным и удобным в применении. <...> Одновременно проект направлен на демократизацию избирательного законодательства и законодательства о референдуме, приведение его в соответствие с Конституцией РФ и международными избирательными стандартами, обеспечение избирательных прав граждан, устранение или изменение положений, препятствующих демократическому развитию страны, а также восстановление положений, неоправданно исключенных из него в предшествующие годы» [9] Таким образом авторы данного законопроекта подразумевают, что избирательный кодекс в Российской Федерации сможет сделать избирательное законодательство более логичным, понятным и структурированным, а также расширит права граждан и разрушит барьеры для развития демократии в стране.

Если же на федеральном уровне внедрение избирательного кодекса - это тяжелый и проблематичный процесс, требующий тщательного анализа и серьезной подготовки, то на уровне субъектов уже есть примеры успешного принятия избирательного кодекса. Так, в Белгородской области 24 марта 2005 года областной Думой был принят Избирательный кодекс, состоящий из 23 глав, которые регламентируют общие положения о проведении выборов и референдумов в Белгородской области [4]. Также в избирательном кодексе содержится приложение, в котором содержатся образцы документов, а именно подписных листов. Наличие такого всеобъемлющего нормативного акта, регламентирующего общие положения о выборах и референдумах, подчеркивает стремление законодателя к унификации и стандартизации электоральных процедур.

Хотелось бы отметить, что законом Белгородской области от 25 июня 2025 года №481 «О внесении изменений в Избирательный кодекс

Белгородской области» [2] были введены такие понятия как: «комплекс для электронного голосования», «электронное голосование», «электронный бюллетень», исключено понятие «иностранный наблюдатель» и уточнены условия реализации пассивного избирательного права при выборах депутатов Белгородской областной Думы [8]. Мы приходим к выводу, что в Белгородской области происходит процесс совершенствования избирательного права, который включает в себя как технологическую модернизацию, так и уточнение регуляторных механизмов, касающихся пассивного избирательного права.

Из-за внесения изменений или введения нового закона в сфере избирательного права возможны юридические коллизии, то есть противоречия между НПА, регулирующих избирательный процесс. Причинами возникновения данных юридических коллизий могут служить некоторые факторы.

Например, нечеткость и неопределенность формулировок, из-за чего, вследствие, существует потенциал возникновения двойственного толкования одного и того же понятия или процесса.

Большое различие в развитии политической культуры определенного региона. Каждый регион имеет свою историю и традиции, из-за чего уровень познания и степень участия в сфере избирательного процесса могут различаться [6; с. 136].

Но нельзя рассматривать юридические коллизии исключительно как негативное явление. Они могут выступать источником развития. Благодаря данному явлению можно находить недостатки в избирательном законодательстве, корректировать его и приводить в соответствии с современными условиями [1; с. 33].

Существует необходимость введения избирательного законодательства на большей части субъектов РФ, поскольку не хватает опыта в развитии данной сферы. При наличии возможности, необходимо пробовать вводить

изменения или приступить к созданию избирательного законодательства [5; с. 40].

Благодаря все большему внедрению избирательного права в повседневную жизнь людей, возможно повышение уровня политической культуры, что послужит однообразному пониманию и толкованию избирательных кодексов и законов.

То есть, благодаря повышению уровня политической культуры, получения опыта в введении избирательного законодательства и анализу возникающих юридических конфликтов между нормативно-правовыми актами, законодатель сможет внести необходимые изменения или создать наиболее подходящий избирательный кодекс, как для определенного региона, так и для всей Российской Федерации, а избиратель сможет правильно толковать данный закон и в дальнейшем применять его в избирательном процессе, что и будет совершенствовать современное избирательное законодательство.

Библиографический список использованных источников

1. Денисов Д.Д. Юридические коллизии: понятие и причины возникновения // Юрист - Правоведъ. - 2010. - №5 – с. 33.
2. Закон Российской Федерации "О внесении изменений в Избирательный кодекс Белгородской области" от 05.06.2025 № 481 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 05.06.2025.
3. Закон Российской Федерации "Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" " от 12.06.2002 № 67 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002 г. - № 24. - Ст. 2253 с изм. и допол. в ред. от 17.06.2002.
4. Избирательный кодекс Белгородской области.URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=103021427&backlink=1&&nd=103017466>.

5. Пономарева Ю.Ю. Причины изменений российского избирательного законодательства // Образование и право. - 2016. - №5 с. 40.
6. Пономарев А.Д. Региональные политические культуры в современном обществе: теоретико-методологический аспект // Концепт. - 2018. - №12. - С. 138-144.
7. Проект Избирательного кодекса РФ официально внесен в Государственную Думу // Livejournal URL: <http://golos-org.livejournal.com/137854.html>. (дата обращения: 25.12.2025).
8. Сергей Шевченко. Выборы в Белгородскую областную Думу состоятся 14 сентября // «Белгородские известия». - 2025. - 10.06.
9. Электронная регистрационная карта на законопроект №28717-6 // Избирательный кодекс Российской Федерации URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=28717-6> (дата обращения: 25.12.2025).

УДК 34

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПУБЛИЧНУЮ СФЕРУ

Джураев Мухаммадшариф Зарифович,

магистрант 2 курса,

Марийский государственный университет,

г. Йошкар-Ола, Россия,

dzuraevmuhammad02@gmail.com

Аннотация: в последние годы на фоне активной цифровизации мы наблюдаем бурное развитие и повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта. Данная статья посвящена анализу развития искусственного интеллекта и его интеграции в публичную сферу.

Ключевые слова: публичные отношения, алгоритмы ИИ, правовое регулирование, искусственный интеллект.

В условиях стремительного технологического прогресса технологии искусственного интеллекта перестали быть исключительно предметом исследования определенной группы специальностей и прочно вошли в повседневную жизнь общества. Вопрос развития искусственного интеллекта и его становления в обществе является одним из наиболее актуальных и значимых вопросов современности. Так, О.А. Ястребов отмечает необходимость выработки подходов к регулированию ИИ для целей публичных отношений [7].

Следует отметить, что сегодня различные системы ИИ активно интегрируются для различных целей в публичной сфере, то есть в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления.

Это интеграция осуществляется, например, в оптимизации административных процедур или повышения уровня безопасности. Однако, вместе с новыми, уникальными возможностями, которые появляются вследствие применения ИИ, возникают и серьезные вызовы, требующие своевременного и сбалансированного правового регулирования (обеспечения). Увеличение внедрения и использования ИИ обуславливает возникновение ряда сложных правовых и этических аспектов, в частности: проблемы обеспечения защиты персональных данных, выработки адекватных механизмов ответственности, сохранения конфиденциальности частной жизни и поддержания этических стандартов при принятии решений автономными системами. Так, М.В. Алексеева отмечает, что: «в современных масштабах внедрения и использования ИИ возникла острая потребность в разработке и принятии единых этических норм, регулирующих применение ИИ, поскольку в условиях цифровой перестройки государственных институтов единая система этических стандартов выступает основой для поддержания социальной стабильности и укрепления общественного доверия к властным структурам» [1].

А.Б. Арзуманян основываясь на научных работах А.В. Незнамова, В.Б. Наумова отмечает, что в международной практике складывается двухуровневая модель правового регулирования в сфере ИИ, предполагающая первоначальное формирование национальных стратегий и концепций, с последующей разработкой на их основе конкретной нормативной базы.

Российская Федерация активно включилась в этот процесс, утвердив Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года и инициировав новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [2]. Правовые основы регулирования заложены также в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного

интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» и некоторых других актах.

Вместе с этим, существующее нормативно-правовое обеспечение не содержит исчерпывающего перечня регулятивных инструментов.

В современных условиях перед законодателем стоит сложная задача по обеспечению своевременности принятия востребованных нормативных правовых актов, которые, с одной стороны, не должны сдерживать инновационное развитие, а с другой – должны предусматривать правовой механизм, который гарантирует эффективную защиту прав и свобод граждан, укрепляя доверие к цифровым институтам государства [4]. В задачах, в которых преобладают логические и статистические зависимости, ИИ демонстрирует значительное преимущество, что позволяет в практической деятельности снизить операционные издержки, ускорить административные процессы и повысить точность принимаемых решений. Следует отметить, что на сегодня уже значительное количество регионов нашей страны применяют ИИ в различных направлениях деятельности органов публичной власти. Наибольший практический эффект от внедрения технологий ИИ достигается в сферах с высокой степенью стандартизации, повторяемости операций и наличием больших массивов структурированных данных. К таким направлениям относятся обработка обращений граждан, автоматическая маршрутизация заявок, аналитика больших данных, прогнозирование спроса на государственные услуги, оптимизация распределения ресурсов, логистика и стратегическое планирование.

Вместе с тем, следует согласиться с Ю. Смирновой, которая отмечает: «что применение ИИ в указанной сфере имеет и существенные ограничения. Важно отметить, что государственное управление, в классической его характеристике, не сводится исключительно к алгоритмическим процедурам – оно включает в себя этический выбор, эмпатию, моральную ответственность и способность к интерпретации неформальных социальных сигналов.

Практическое применение технологий ИИ в публичной сфере уже демонстрирует результаты на разных уровнях власти [8].

На федеральном уровне технологии ИИ применяются для аналитической поддержки законотворческого процесса. Например, в Государственной Думе РФ используются системы автоматизированного анализа законопроектов и машинной обработки массива обращений граждан, что позволяет выявлять типичные вопросы и актуальные общественные запросы. В Правительстве РФ технологии используются для прогнозирования социально-экономических показателей и моделирования последствий управленческих решений.

На региональном уровне примером может служить опыт Сахалинской области, где генеративные ИИ-модели интегрируются в процессы территориального планирования. Правительство Сахалинской области в лице министерства архитектуры и градостроительства заключило соглашение о сотрудничестве с «Rocket Group» – компанией-разработчиком платформы. Применение технологий платформы «rTМ» позволит островному региону более чем в 3 раза ускорить процессы мастер-планирования [3].

На муниципальном уровне технологии ИИ находят применение в рамках проектов «Умный город». Это включает, например, оптимизацию маршрутов общественного транспорта, интеллектуальное управление коммунальной инфраструктурой (учёт потребления ресурсов, прогнозирование нагрузок), а также автоматизацию обработки заявок граждан через многофункциональные центры и электронные муниципальные сервисы.

На практике уже имеется пример применения интеллектуальной видеоаналитики в системах городского видеонаблюдения. Алгоритмы ИИ обеспечивают круглосуточный мониторинг общественных пространств, выявляя нарушения, контролируя заполненность контейнерных площадок, фиксируя случаи ненадлежащего выгула животных и даже способствуя поиску пропавших домашних животных.

В Нижегородской области подобные технологии легли в основу 16 специализированных сервисов, предложенных для использования в государственном управлении на федеральном уровне [5].

Особого внимания заслуживает применение ИИ в сфере нормотворчества и проведения правовой (в том числе антикоррупционной) экспертизы. Уполномоченные субъекты внедряют технологии ИИ для автоматизированного анализа нормативных правовых актов, что позволяет выявлять правовые коллизии, терминологические противоречия и коррупциогенные факторы [9].

В частности, Ю.С. Харитоновна отмечает, что: «научная дискуссия относительно использования технологий ИИ не должна ограничиваться исключительно защитой персональных данных. Ключевой проблемой является ситуация, когда технология ИИ восполняет недостающие данные из открытых источников, не всегда релевантных и достоверных». По мнению ученой «выходом видится установление законодателем стандарта, балансирующего между эффективностью технологии и защитой прав граждан. Ю.С. Харитоновна предлагает ввести обязательную сертификацию моделей ИИ, которая также снимет вопросы с распределением ответственности. При этом для таких профессиональных субъектов, как врачи или военные, использование недостаточно прозрачных систем ИИ должно быть строго ограничено [6].

Анализ современного правового регулирования и практики применения технологий ИИ в деятельности органов публичной власти Российской Федерации свидетельствует о формировании целостной, но ещё не завершённой системы правовых и институциональных основ для цифровой трансформации государственного управления. Ю.С. Харитоновна справедливо указывает на необходимость установления законодателем стандарта, балансирующего между эффективностью технологии и защитой прав граждан,

предлагая ввести обязательную сертификацию моделей ИИ для повышения прозрачности и решения вопросов ответственности [6].

На основании проведённого анализа можно сделать вывод о настоятельной необходимости принятия в Российской Федерации комплексного специализированного нормативно-правового акта, регулирующего разработку и применение технологий искусственного интеллекта, особенно в сфере публичной власти. Активное и масштабное внедрение ИИ на всех уровнях государственного и муниципального управления для оптимизации процессов, аналитики данных и поддержки принятия решений сталкивается с существенными правовыми пробелами и рисками, которые не покрываются существующим фрагментарным регулированием (в виде Национальной стратегии или экспериментальных актов). Возникающие этические вызовы, проблемы определения ответственности за действия автономных систем, угрозы приватности, персональным данным и потенциальная алгоритмическая дискриминация требуют установления единых правовых гарантий, этических стандартов и механизмов контроля. Специализированный закон должен найти баланс, стимулируя инновации и цифровую трансформацию государства, одновременно создавая надёжные правовые рамки для защиты прав и свобод граждан, обеспечения прозрачности и подотчётности решений, принимаемых с использованием ИИ, что в конечном итоге является основой для общественного доверия к цифровым институтам власти. Без такого акта дальнейшее развитие и применение ИИ в публичной сфере будет сопряжено с ростом правовой неопределённости и социальных рисков.

Библиографический список использованных источников

1. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности. Правовой порядок и правовые ценности. - 2025. - №3. - С. 23-

24.

2. Арзуманян А.Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2021. - № 3. - С. 92

3. Варламова Ю.А., Корнейченко Е.Н. Искусственный интеллект в российских регионах. Russian Journal of Economics and Law. - 2024. - 18(3). - С. 64.

4. ИИ в госсекторе: Перспективные сценарии и план для начала использования [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 30.11.2025)

5. Сахалинская область внедрит ИИ для мастер-планирования и ускорения процессов развития территорий [Электронный ресурс]. - URL <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 30.11.2025)

6. Харитонов Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта. Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - № 1(2). - С. 337.

7. Ястребов О. А., Аксенова М. А. Влияние искусственного интеллекта на административно-правовой режим противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: вопросы права // Правовая политика и правовая жизнь. - 2022.- № 3.- С. 84.

8. СЮ Санкт-Петербурга Юлия Смирнова — о нейросетях на госслужбе: как ИИ становится новой компетенцией власти [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347.44

ДОГОВОР КОНТРАКТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Паршиков Владислав Алексеевич,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО ТулГУ,

г. Тула, Россия,

v_parshikov05@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена гражданско-правовым особенностям договора контрактации как специального инструмента регулирования аграрного рынка. Анализируется его правовая природа, отличия от смежных договоров. Основное внимание уделено проблемным вопросам. Делается вывод о необходимости обновления законодательной регламентации данного института в условиях развития сельскохозяйственного предпринимательства.

Ключевые слова: договор контрактации, предпринимательское право, сельскохозяйственная продукция, производитель, заготовитель, ответственность, поставка, Гражданский кодекс РФ.

Договор контрактации, исторически сложившийся как инструмент плановых государственных закупок, сохранил свою нишу в современном российском гражданском праве. Его легальное определение закреплено в п. 1 ст. 535 ГК РФ: производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенную (произведенную) им продукцию заготовителю для

последующей переработки или продажи [4]. Несмотря на чёткую законодательную формулировку, данный институт на практике сталкивается с рядом проблем, обуславливающих его ограниченное применение.

В научной доктрине доминирует подход, рассматривающий контрактацию как подвид договора поставки, что подтверждается отсылочной нормой п. 2 ст. 535 ГК РФ [1, с. 57]. Однако его выделение в отдельный параграф ГК РФ обусловлено специальными целями: учётом рискованного (алеаторного) характера сельскохозяйственного производства и необходимостью защиты экономически более слабой стороны — производителя [7, с. 50]. Ключевыми квалифицирующими признаками являются:

– специальный субъектный состав. На стороне продавца выступает профессиональный производитель сельхозпродукции (сельскохозяйственные организации, КФХ, ИП), на стороне покупателя — заготовитель (коммерческая организация или ИП), приобретающий продукцию для переработки или перепродажи [5, с. 103].

– особый предмет договора: им является будущая или имеющаяся сельскохозяйственная продукция, выращенная (произведенная) самим производителем, не подвергнутая глубокой переработке. Реализация продуктов переработки (сыра, масла) осуществляется уже по договору поставки [2, с. 64].

На практике наблюдается сокращение использования данного договора, что связано с его жестко заданными рамками. Отношения, не подпадающие под признаки специального субъекта или предмета, автоматически переqualифицируются судами в договор поставки или купли-продажи [6, с. 74]. Это приводит к тому, что потенциально подпадающие под контрактацию отношения регулируются общими нормами, лишая производителя специальных гарантий.

Законодатель, стремясь защитить производителя, установил для него льготный режим ответственности. Согласно ст. 538 ГК РФ, производитель отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора только при наличии своей вины. Освободиться от ответственности он может, доказав, что принял все необходимые меры (п. 1 ст. 401 ГК РФ) либо что нарушение вызвано непреодолимой силой (обстоятельствами, за которые ни одна из сторон не отвечает) [9]. Например, производитель может быть освобожден от ответственности при гибели урожая из-за стихийного бедствия или при отсутствии своевременной помощи от заготовителя в борьбе с вредителями [10, с. 296]. Как итог, диспропорция в ответственности сторон как видится основной проблемой.

В отличие от производителя, заготовитель несет ответственность на общих основаниях, как предприниматель (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Его обязанности (принять продукцию, обеспечить вывоз, оплатить) являются строгими, а их нарушение влечёт взыскание убытков и неустойки. Однако такая диспропорция порождает сложности. Во-первых, возникают вопросы о справедливом распределении рисков, когда невиновное неисполнение производителем вызвано, в том числе, действиями самого заготовителя [8]. Во-вторых, даже при освобождении от ответственности за недопоставку, производитель может быть обязан возратить стоимость предоставленных заготовителем семян или предоплаты как неосновательное обогащение, что ставит под сомнение эффективность льготного режима.

Законодатель детально не регламентирует многие практические аспекты исполнения. Ст. 536 ГК РФ лишь диспозитивно закрепляет обязанность заготовителя вывезти продукцию и право производителя требовать возврата отходов переработки. Ключевые условия — о порядке, месте, сроках передачи, обеспечении тарой, предоплате — остаются на усмотрение сторон [3, с. 296]. Это создаёт почву для споров, особенно при отсутствии в договоре детальной регламентации.

Таким образом, договор контрактации, будучи специальным инструментом, выполняет важную социально-экономическую функцию поддержки сельхозпроизводителя. Однако его архаичная и крайне сжатая нормативная база (всего 4 статьи в ГК РФ), не менявшаяся с 1996 года, не соответствует современным реалиям аграрного бизнеса. Правовая неопределённость, сложность квалификации и противоречивость в вопросах ответственности приводят к тому, что на практике стороны и суды часто избегают этого договора в пользу более универсальной поставки.

Для повышения востребованности института контрактации необходима модернизация его законодательной регламентации. Целесообразно уточнить критерии отграничения от смежных договоров, детализировать порядок исполнения и четче определить баланс ответственности с учетом реальных возможностей обеих сторон по влиянию на исполнение обязательств в высокорисковой аграрной сфере.

Библиографический список использованных источников

8. Абрамова Е.П. Особенности правового регулирования договора контрактации // Вестник магистратуры. — 2024. — № 3-2 (150). — С. 57-58.
9. Бондаренко А.Е. Споры, возникающие из договора контрактации // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 104-8. — С. 63-66.
10. Дрозда Е.С. Проблемы, связанные с договором контрактации и специфика его исполнения // E-Scio. — 2020. — № 7 (46). — С. 286-297.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32.
12. Гусеян Г.О., Бондарева А.В. Понятие и особенности исполнения договора контрактации // Концепция развития частного права: стратегия будущего : Сборник научных статей V Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, посвященной 60-летию

Юго-Западного государственного университета. — Курск : Изд-во Юго-западного гос. ун-та, 2024. — С. 101-106.

13. Ельникова Е.В. Проблемы квалификации договора контрактации в законодательстве и судебной практике // Закон и право. — 2022. — № 6. — С. 72-74.

14. Кузин К.В., Гончарова А.Н. Договор контрактации: актуальные проблемы и пути их решения // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 104-9. — С. 49-52.

15. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2020 № 11АП-22546/2019 по делу № А55-14687/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2025).

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2025).

17. Хандкаров Ю.С. Пределы ответственности продавца по договору контрактации в случае неудовлетворительного количества урожая // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 11. — С. 294-303.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.6

ПРОБЛЕМА РАСПОРЯЖЕНИЯ ДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Спешилова Дарья Андреевна,

студент 2 курса

ФГБОУ ВО «УдГУ»,

г. Ижевск, Россия,

darya.speshilova.01@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме недобросовестности одного из супругов при распоряжении общим имуществом, находящимся в совместной собственности. Рассматриваются правовые последствия ситуаций, когда один из супругов совершает сделки с движимым имуществом без ведома и согласия другого супруга. Обращается внимание на отсутствие четких норм семейного законодательства, регулирующих порядок совершения сделок с движимым имуществом, что создает условия для ущемления прав одной из сторон. Особое внимание уделяется судебной практике, показывающей сложность доказывания обстоятельств, свидетельствующих о нарушении прав. В заключение предлагается внести изменения в статью 35 Семейного кодекса РФ, предусматривающие обязательное письменное согласие обоих супругов на совершение крупных сделок с движимым имуществом.

Ключевые слова: супруги, недобросовестность, согласие супруга, совместная собственность, сделка, раздел имущества, движимое имущество, защита прав супруга.

Основания для заключения сделок без уведомления второго супруга разнообразны. Чаще всего они происходят на стадии развода для того, чтобы исключить объекты движимого и недвижимого имущества из массы совместного имущества. Законодательством не предусмотрена обязанность по информированию каждого супруга о финансовом положении семьи, поэтому доверительный характер семейных отношений часто становится причиной того, что одна из сторон остается в неведении относительно распоряжения совместным имуществом.

Современная редакция статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации не обеспечивает достаточной регламентации механизма контроля одного супруга за действиями другого в сфере распоряжения совместным имуществом.

В повседневной жизни нередки ситуации, когда брачные отношения сопровождаются утратой доверия друг к другу, в связи с чем возникают сложности на практике, обусловленные особенностями регулирования режима общей собственности супругов. Согласно статье 34 Семейного кодекса, любое имущество, приобретённое в период брака, признаётся совместным независимо от формальной принадлежности имущества одному из супругов.

Необходимо подчеркнуть различия между нормами ст. 35 СК РФ и ст. 253 ГК РФ. Хотя обе статьи близки по содержанию, но существуют важные отличия, способные привести к негативным последствиям для имущественного положения одного из супругов, чьи интересы не были соблюдены при заключении сделки по отчуждению имущества. Например, если права на объект недвижимости требуют обязательной государственной регистрации, то сделки с ним невозможны без официального согласия другого супруга. Вместе с тем законодательство оставляет открытым вопрос относительно передачи имущества, не подлежащего специальной фиксации государством, что создаёт риск потери учета мнения другого супруга.

Законодательством не предусмотрена отдельная норма, направленная непосредственно на предотвращение злоупотребления семейными правами. Вместо этого имеется лишь общий принцип недопустимости использования семейных прав в целях, противоречащих их природе и назначению. Таким образом, защита добросовестного супруга сталкивается с трудностями в связи с отсутствием единого подхода к толкованию и применению соответствующих положений. На практике складывается тенденция, при которой суд принимает сторону супруга, обладающего возможностью непосредственного контроля над имуществом, игнорируя интересы добросовестного третьего лица.

Верховный Суд Российской Федерации выразил свою позицию, отметив, что оценка добросовестности сторон должна основываться на стандарте поведения, ожидаемом от участников гражданского оборота, заботящихся о соблюдении интересов контрагента и оказывающих содействие в предоставлении необходимой информации [4].

Установлено, что поведение одной из сторон может считаться недобросовестным не только на основании заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если имеются основания полагать, что действия явно отклоняются от принципа добросовестности. Соответственно, при установлении фактов недобросовестного распоряжения имуществом суд должен применять меры защиты интересов добросовестного супруга, обеспечивая ему возмещение материальных и морально-нравственных потерь.

Пункт 2 статьи 35 Семейного кодекса гласит, что любой из супругов имеет право свободно распоряжаться имуществом, которое является совместно нажитым и не относится к имуществу, права на которые подлежат государственной регистрации или для них установлена обязательная нотариальная форма, или сделки с таким имуществом подлежат обязательной государственной регистрации (п.3 ст. 35 СК РФ). Предполагается, что управление совместным имуществом строится на принципе взаимного

согласия супругов. Однако в действительности не редки случаи, когда одна из сторон осуществляет отчуждение имущества без учета мнения или даже без оповещения другого, что порождает нарушения прав и интересов последнего. Оспорить подобные сделки возможно исключительно при условии установления недобросовестных действий третьей стороны, знавшей или должной знать о несогласии супруга, однако доказать этот факт крайне сложно.

Отдельно хотелось бы остановиться на ситуации, когда супруг отчуждает во владение третьего лица движимое имущество, к примеру, транспортные средства, произведения искусства или антикварные изделия, чья рыночная стоимость порой значительно может превосходить цену недвижимости. Важным моментом является разница в подходе закона к разным видам имущества: для сделок с недвижимостью необходимо нотариальное одобрение другого супруга, в то время как отчуждение движимой собственности происходит на предположительном согласии без строгих требований к оформлению документов.

Отсутствие письменного подтверждения согласия второго супруга открывает широкие возможности для нарушений его прав и законных интересов. Такая неопределённость приводит к многочисленным судебным спорам, инициированным супругами, пытающимися аннулировать передачу движимого имущества.

Так, С. подал иск, утверждая, что договор купли-продажи автомобиля, заключенный с Т.С., является мнимой сделкой, совершенной исключительно для вида, без реального намерения создать юридические последствия. По мнению истца, сделка оформлена для вида, без намерения передать автомобиль, деньги за покупку не переданы, а автомобиль остался в пользовании его бывшей супруги К. и самой Т.С. Суд первой инстанции пришел к выводу, что сделка носит мнимый характер ввиду отсутствия реальных намерений сторон приобрести юридически значимые последствия.

Однако суд апелляционной инстанции отмечает ряд нарушений: отсутствие объективных доказательств того, что обе стороны действовали недобросовестно и заключили сделку исключительно для видимости; сам факт одобрения сделки Т.С. и принятия ею участия в судебных заседаниях свидетельствуют против утверждения о мнимости; наличие переписки и обсуждений судьбы автомобиля не доказывают сознательное искажение воли обеих сторон; аффилированность сторон (родственные связи) не означают автоматически мнимость сделки. В апелляционной жалобе истец утверждает, что цена автомобиля занижена, и отсутствуют подтверждения факта расчета. Однако само по себе согласие сторон о конкретной цене не является доказательством нарушения воли или законности сделки. Суд посчитал, что оснований считать сделку мнимой (п. 1 ст. 170 ГК РФ) не установлено. Ни одно из приведённых истцом обстоятельств не подтверждает одновременную волю обеих сторон действовать недобросовестно и в обход закона. Кассационный суд поддержал выводы апелляционного суда, отметив, что условия признания сделки мнимой не соблюдаются, так как стороны выполнили действия, подтверждающие реальную волю сторон на переход права собственности [3].

В другом деле решение суда первой инстанции отменено, иски требования М.Ю. о признании договора купли-продажи автомобиля недействительным - удовлетворены. Суд апелляционной инстанции признал договор купли-продажи автомобиля мнимой сделкой, поскольку он был заключен М.Д.В. и К.Ю. без намерения создать реальные правовые последствия, а с целью исключить автомобиль из состава совместно нажитого имущества супругов при его разделе. Основаниями для признания сделки послужили: фактическое сохранение контроля над автомобилем супругами М.Ю. и М.Д.В. после продажи, несоответствие суммы сделки реальной стоимости автомобиля, отсутствие доказательств передачи денег по договору, регистрация автомобиля на К.Ю. произошла спустя восемь месяцев после

заключения договора, использование автомобиля после покупки продолжало осуществляться супругами. Судебная коллегия признала договор купли-продажи недействительным, право собственности на автомобиль возвращено бывшим супругам в равных долях [1].

Фактический анализ примеров из судебной практики свидетельствует о затруднениях, испытываемых супругами при попытке обосновать незаконность проведённой сделки.

Особенно проблематично дело обстоит в ситуациях, когда приобретение движимого имущества оформляется близким родственником супруга. Здесь практически невозможно доказать осознание третьим лицом отсутствия согласия второго супруга на продажу. Даже если покупка осуществляется посторонними лицами, они традиционно связаны с супругом-отчуждателем, стремящимся скрыть долю своего имущества от раздела. По сути, оспорить сделку, заключённую подобным образом, очень сложно, так как согласие другого супруга подразумевается автоматически, и именно это обстоятельство становится основой возражений ответчика [3].

Ещё одно важное наблюдение касается фиктивного характера многих сделок по передаче движимого имущества. Фактически одна из сторон приобретает статус владельца, не выплачивая никаких сумм, продолжая пользование объектом как своим личным. Это подтверждают реальные примеры судебных процессов, где транспортные средства продаются по сильно заниженным ценам, деньги остаются в семье, а бывший владелец сохраняет доступ к пользованию транспортом.

Эти факты вызывают сомнения в эффективности процедуры деления имущества при разводе. Супруг, оставшийся без предварительного согласия на передачу имущества, вынужден обращаться в суд с требованием разделить доходы от продажи, но его позиция ослабляется тем обстоятельством, что изначальное соглашение на сделку рассматривается как молчаливое согласие,

лишая его возможностей справедливо компенсировать утраченную ценность имущества.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что совершаемая одним из супругов сделка по отчуждению движимого имущества без согласования с другим серьёзно нарушает имущественные права последнего, лишая его достойной компенсации. В каждой конкретной ситуации судьям важно определить наличие злоупотребления правом, исходя из позиций Верховного Суда РФ.

Обозначенные трудности возможно устранить посредством внесения дополнительного абзаца в пункт 2 статьи 35 СК РФ следующей формулировки: «При совершении одним супругом сделки относительного движимого имущества, стоимостью более 500 тысяч рублей, подлежащего обязательной государственной регистрации, требуется получение письменного согласия второго супруга». Данное согласие целесообразно оформлять письменно без обязательного нотариального заверения. Подобная норма позволит сократить число оспариваний сделок, разгрузить судебные органы и существенно облегчит процедуру распоряжения совместным имуществом супругов.

Предложение направлено на повышение уровня защиты добросовестного супруга, ранее не имевшего представления о действиях второго супруга, и облегчит доказательство факта несанкционированного отчуждения имущества при рассмотрении судебных исков о признании сделок ничтожными.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25.03.2025 по делу N 33-1753/2025.
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2024 N 88-977/2024 по делу N 2-164/2023.

3. Петрова Ю.О. Особенности получения согласия супруга на совершение сделок по распоряжению имуществом // Сибирское юридическое обозрение. - 2018. - №3. - С. 281 - 283.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 394.2

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кузин Сергей Николаевич,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО СГЮА,

г. Саратов, Россия,

mistersergey2004@mail.ru

Бегиев Альфред Эдуардович,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО СГЮА,

г. Саратов, Россия,

alfred.begiev@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются изменения, которые произошли в трудовом праве Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Анализируются основные нормативные документы, принятые в этот период, их влияние на трудовые отношения, социальные гарантии, защиту прав работников. Целью исследования является выявление ключевых изменений в правовом регулировании труда, которые были направлены на мобилизацию трудовых ресурсов.

Ключевые слова: трудовые отношения, законодательные акты, мобилизация трудовых ресурсов, рабочее время, заработная плата.

Великая Отечественная война, оказавшая влияние на все стороны хозяйственно-политической жизни советского государства, повлекла необходимость внесения серьезных изменений в правовое регулирование труда.

В годы Великой Отечественной войны из-за необходимости выиграть гонку вооружений у более развитой Германии произошло ужесточение трудового законодательства. Работники тыловых предприятий были приравнены к мобилизованным, был значительно увеличен рабочий день, были отменены отпуска, усилена ответственность за самовольный уход с работы.

Эти меры в сочетании с трудовым героизмом народа, в общем, достигли цели: несмотря на значительно худшие стартовые условия и большие территориальные потери в первый период войны, СССР произвел почти вдвое больше вооружения и боеприпасов, чем Германия и оккупированные ею страны.

В связи с этим уже в первые месяцы войны был издан ряд законодательных и подзаконных актов, которые предоставляли военным и гражданским властям дополнительные права в области регулирования труда.

Так, Указом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставлялось право: в соответствии с действующими законами и постановлениями Правительства привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями; объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей.

Для достижения целей обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с потребностями военного времени Указ Президиума ВС СССР от

26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» предоставил руководителям предприятий с разрешения СНК СССР устанавливать обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1-го до 3-х часов в день с оплатой такой работы в полуторном размере. Работники в возрасте до 16 лет могли быть привлечены к сверхурочной работе не более 2-х часов в день; запрет на привлечение к обязательным сверхурочным работам был установлен только для женщин со сроками беременности более 6 месяцев, и женщин кормящих грудью — в течение 6-ти месяцев кормления; были отменены очередные и дополнительные отпуска с их заменой денежной компенсацией.

В первые месяцы войны широкое и негативное явление — уход работников от работодателей — приняло массовый характер. При остром дефиците кадров это могло со временем привести к остановке эвакуированных предприятий и помешать созданию новых. Реальная угроза необратимого кадрового дефицита, прежде всего на военных производствах (по выпуску техники, вооружения и боеприпасов), потребовала введения ещё более жёстких мер по пресечению такого ухода работников (трудового дезертирства).

В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» всех рабочих и служащих мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, предписано считать на период войны мобилизованными и закрепить для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают [4].

Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности, в том числе эвакуированных, рассматривался как

дезертирство и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), карали тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет.

К концу 1941 г. — началу 1942 г. был выявлен значительный недостаток рабочей силы на военных производствах; в начале 1942 г. для авиапромышленности дополнительно требовалось 219 тыс. работников, для танковой — 65 тыс., для предприятий по выпуску вооружений — 64 тыс., для предприятий цветной металлургии — 8 тыс. работников [2, с. 140].

Важнейшим нормативным правовым актом, направленным на привлечение в соответствующие сектора экономики новых, дополнительных трудовых ресурсов стал Указ Президиума ВС СССР от 13.02.1942 № 160/1 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

Указ Президиума ВС (далее – Указ ПВС) от 13.02.1942 действовал в отношении всего трудоспособного неработающего городского населения страны для мобилизационного привлечения на период войны этого населения по месту его жительства «...на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности». Для работ на производствах и строительстве трудовой мобилизации подлежали трудоспособные мужчины в возрасте 16–55 лет и женщины в возрасте 16–45 лет, но из числа не работавших на государственных предприятиях и в учреждениях.

При этом необходимо отметить, что Указом ПВС от 13.02.1942 от мобилизации были освобождены:

- женщины, имевшие грудных детей, а также детей в возрасте до 8 лет (при отсутствии других членов семьи способных ухаживать за такими детьми);
- учащиеся высших и средних учебных заведений;
- подлежащие призыву в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища лица обоих полов в возрасте 16–18 лет (Постановление СНК СССР

от 13.03.1942 № 330 «О проведении дополнительного призыва (мобилизации) молодежи в школы фабрично-заводского обучения»)

На основании Указа ПВС от 29.09.1942 эвакуированным работникам-мужчинам полагалось по прибытии на новое место подъемное пособие в размере среднемесячного заработка (исчисляемого за последние 3 месяца его работы), его супруге — одну четвертую этого среднемесячного заработка, каждому неработающему члену семьи — одну восьмую этого среднемесячного заработка. За счет государства производилась перевозка эвакуированных семей из расчета до 100 кг багажа на главу семьи и до 40 кг — на каждого члена семьи эвакуированного [3, с. 357].

Впоследствии каких-либо жестких содержательных изменений трудовое законодательство в период ВОВ не потерпело, а Указ ПВС от 9.1.1943 г. и 22.12.1943 г. продлевал действие вышеописанных Указов ПВС на 1943 и 1944 годы. В связи с окончанием Великой Отечественной войны Президиум Верховного совета СССР принял Указ о восстановлении с 1 июля 1945 г. очередных и дополнительных отпусков рабочим и служащим, отмененных на период военного времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

Кроме того, начиная с 1 июля 1945 г., прекратилось перечисление государственным, кооперативным и общественными предприятиями, организациями и учреждениями в сберегательные кассы денежной компенсации за неиспользованный отпуск в качестве специальных вкладов рабочих и служащих [1, с. 93].

Хочется сказать, что после Великой Отечественной войны трудовое законодательство постепенно возвращалось к довоенным нормам: восстанавливались отпуска, смягчалась ответственность за прогулы (отменялась уголовная ответственность), возвращалось право увольнения по

собственному желанию, а затем в 1970 году были приняты Основы законодательства о труде СССР, которые систематизировали все нормы.

Таким образом, несмотря на критическое положение на фронтах, государство на первом этапе войны сумело нормативно регулировать трудовые ресурсы и в основном сохраняло выполнение социальных обязательств перед работниками (с отдельными ограничениями). При этом некоторые авторы отмечают, что правовая формулировка отдельных НПА была неоднозначной, что открывало путь к толкованиям в интересах работодателей — тенденция, встречающаяся и в современных нормах российского трудового права.

В реальной практике трудовые отношения нередко основывались не на строгом соблюдении юридических норм, а на высокой сознательности и самоотверженности работников; вследствие этого трудовой энтузиазм стал для миллионов людей обычным способом поведения в годы войны.

Анализ основных актов советского трудового законодательства 1940–1942 годов показывает, что сами положения КЗоТ 1922 г. прямо не изменялись, однако трудовое законодательство в целом окончательно приобрело прогосударственный характер. Принятые правовые меры не только обеспечили перевод предвоенной экономики на «военные рельсы», но и создали условия для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Таким образом, хочется сказать, что трудовая мобилизация в период 1941–1942 гг. стала эффективным способом достижения страной экономических результатов, которые позволили Советскому Союзу оказать необходимое сопротивление в начальный период Великой Отечественной войны, не допустить поражение СССР в этой войне и создать необходимые условия для ее победного завершения.

Библиографический список использованных источников

1. Волков Д.В. Правовое регулирование трудовых отношений в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.): историко-правовой аспект / Д.В. Волков, В.В. Мясников. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(1).91-101. — EDN BXLXKJ // Baikal Research Journal. — 2025. — Т. 16, № 1. — С. 91–101. (дата обращения: 05.12.2025)
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. / ред. П.Н. Поспелов. — Москва: Военное изд-во, 1961. — Т. 2. — 659 с.
3. Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права. 2010. №8 (164). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-pravo-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Трудовое законодательство времен Великой Отечественной войны. 1941-1943 гг. — Текст: электронный // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина: [сайт]. — URL: <http://museumreforms.ru/node/13840> (дата обращения: 08.12.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 342

ЗАЩИТА ПРАВ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Архипова Анна Александровна,

магистрант 1 курса

ФГБОУ ВО «ТГУ им. Г.Р. Державина»,

г. Тамбов, Россия,

anyaarkx@yandex.ru

Аннотация: в данной статье рассматриваются некоторые проблемы защиты прав ветеранов боевых действий. Раскрывается содержание понятия «ветеран боевых действий». Указывается на проблему совершения общеуголовных преступлений в отношении участников СВО, в том числе грабежей и разбойных нападений. Для снижения негативных последствий на ветеранов боевых действий от поднятых в работе проблем предлагается ряд мер.

Ключевые слова: ветераны боевых действий, военнослужащий, права ветеранов боевых действий, законные интересы, защита прав, преступления.

Проблема правовой защиты российских ветеранов боевых действий на протяжении всей истории остается одной из наиболее значимых и приоритетных. С момента появления вооруженных конфликтов возникает необходимость защиты лиц, принимавших непосредственное участие в боевых действиях. Опыт пребывания в зоне боевых действий часто оказывает негативное воздействие на психическое состояние человека, а процесс возвращения таких граждан к мирной жизни требует серьезных усилий не только со стороны самих ветеранов, но также со стороны общества и государства. В связи с проведением специальной военной операции на

территории Украины (далее по тексту – СВО), особое значение приобретает обеспечение и соблюдение прав ветеранов боевых действий, а также совершенствование правового механизма реализации их прав.

В Российской Федерации проживает большое количество граждан, имеющих статус «ветеран боевых действий». Однако единая статистика в стране отсутствует, что делает невозможным назвать точное количество таких граждан. По данным различных аналитических источников, среднестатистическая численность данной категории граждан превышает два миллиона человек [3].

В настоящее время государство активно предпринимает меры по защите и обеспечению прав ветеранов боевых действий как на федеральном, так и на региональном уровнях. Данный вопрос регулируется рядом нормативных правовых актов, в частности, Федеральным законом от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах», который регулярно дополняется. Однако, практика последних лет демонстрирует, что права ветеранов боевых действий нарушаются. Так, по данным Генпрокуратуры РФ, за прошлый год поступило более 30 тысяч обращений участников СВО о нарушении их прав [4].

Кроме того, в последнее время часто стали совершаться общеуголовные преступления в отношении участников СВО, в том числе грабежи и разбойные нападения, целью которых становится хищение денежных средств, полученных ветеранами за участие в вооруженном конфликте.

Трудно ожидать от военнослужащего добросовестной службы, если его собственные права, а также права и интересы его семьи остаются без должной защиты. Как справедливо отмечает С.Е. Якушева: можно ли ожидать от человека военного доблестной службы, если нарушаются и его права, и права членов его семьи, если, пребывая на службе, он вынужден думать о трудностях, которые претерпевает его семья? [11, с. 145]. Основные причины такого положения дел, по нашему мнению, заключаются в безразличии отдельных должностных лиц, нарушении норм законодательства.

На протяжении всей истории в периоды войн и вооруженных конфликтов особое внимание государства уделялось людям, стоящим на защите Родины, а также их семьям. Сегодня приоритетной задачей нашего государства является защита прав ветеранов боевых действий, а также защита прав членов их семей.

В современном обществе само понятие «ветеран» приобрело иное значение. Термин «ветеран боевых действий» в современных реалиях охватывает всех лиц, принимавших участие в боевых действиях - как на территории бывшего СССР и Российской Федерации, так и за их пределами. При этом данная категория граждан не подразделяется на отдельные группы и объединяет всех участников вооруженных столкновений. Вместе с тем, В.О. Пак указывает на то, что: «ветеран боевых действий – это лицо, которое имеет боевое прошлое, но не отождествляется с ветеранами Великой Отечественной войны» [9, с. 212].

Для начала уточним содержание понятия «ветеран боевых действий», обратившись к научной литературе. Так, например, В.М. Корякин предлагает следующее определение: «Ветеран боевых действий – это гражданин, которому установленным порядком присвоено звание «Ветеран боевых действий» в связи с его участием в СВО или в отражении вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, в пресечении вооруженных провокаций на Государственной границе Российской Федерации и на территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения СВО» [5, с. 31].

Таким образом, статус ветерана боевых действий следует рассматривать как особое звание, предоставляемое гражданам, принимавшим участие в вооруженных конфликтах (боевых действиях) как по собственному желанию, так и по распоряжению государственных органов, выполняя задачи в интересах Российской Федерации.

В последние годы отечественное законодательство, регулирующее деятельность военнослужащих (ветеранов боевых действий), претерпевает значительные изменения. Проведение СВО стало важным стимулом для совершенствования правового регулирования отношений между государством и военнослужащими, а также послужило основанием для пересмотра основных законов.

Правовой основой защиты прав и свобод ветеранов боевых действий выступает ряд законов и нормативных документов. Основным нормативным правовым актом, который определяет статус и в котором изложены правовые гарантии и льготы, предоставляемые ветеранам, является Федеральный закон «О ветеранах» [7].

В статье 3 ФЗ «О Ветеранах» определены категории граждан, которые попадают под понятие «ветеран боевых действий». Например, ветераны вооруженных конфликтов в Афганистане и Чечне, участники СВО. Повторять все положения данной нормы нет необходимости, поскольку она охватывает достаточно широкий круг граждан – ветеранов боевых действий.

Порядок предоставления гражданину удостоверения «ветеран боевых действий» регулируется постановлениями Правительства РФ. Гражданину выдается удостоверение, подтверждающее принадлежность к категории ветеранов боевых действий. Порядок оформления и выдачи удостоверения установлен постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2003 года № 763 «Об удостоверении ветерана боевых действий» [8].

Несмотря на значительный перечень нормативных правовых документов, на практике ветераны боевых действий сталкиваются с многочисленными нарушениями своих прав.

Одной из наиболее острых проблем является обеспечение жильем ветеранов боевых действий. К сожалению, несмотря на установленный льготный статус, многие военнослужащие и ветераны боевых действий длительное время остаются без положенного жилья. Многочисленные

обращения в компетентные органы, как правило, не приводят к положительному результату. К примеру, участник боевых действий в Афганистане, в настоящее время работающий врачом, состоит в очереди на жилье с 1991 года. Несмотря на неоднократные обращения в органы власти и наличие у него льготного статуса, жилищные условия мужчины не улучшены, в связи с этим следственным комитетом возбуждено дело признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.293 УК РФ (халатность) [1].

Следующая значимая проблема, на которой следует остановиться в рамках данного исследования — это бюрократические трудности, с которыми сталкиваются ветераны. Одной из них является установление статуса «ветеран боевых действий». Подобных случаев в судебной практике наблюдается немало. Рассмотрим решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1151/2020. Истец Асадов Афиз М.О., принимавший участие в боевых действиях в Афганистане, обратился в суд с иском к Министерству обороны РФ и военным комиссариатам, так как ему было отказано в выдаче нового удостоверения ветерана боевых действий. Ранее ему было выдано советское свидетельство о праве на льготы ветерана боевых действий, и он обратился за заменой документа на новый образец. «...с заявлением обратился Асадов Афиз М.О., а документы, подтверждающие непосредственное участие в боевых действиях выданы ФИО2 ФИО3 [Асадову Хафизу М.О.]» [10]. Причиной отказа стало «разночтение в букве имени» – в советском удостоверении было указано имя «Хафиз» по-азербайджански, а в паспорте РФ – «Афиз» по-русски. Суд установил, что отказ был необоснованным по следующим причинам: «...факт участия истца в боевых действиях в Афганистане... не оспаривается, это факт документально подтверждён»; «...поскольку он по национальности азербайджанец, его имя Х., но в переводе на русский имя звучит как А.» [10]. Суд удовлетворил исковые требования истца и признал отказ Министерства обороны РФ незаконным, обязал выдать новое удостоверение ветерана боевых действий.

На основании данного примера, приходим к выводу, что соблюдение бюрократических процедур иногда ставится выше защиты прав ветеранов боевых действий.

Следующая проблема - в последнее время часто стали совершаться общеуголовные преступления в отношении участников СВО, в том числе грабежи и разбойные нападения, целью которых становится хищение денежных средств, полученных ветеранами за участие в вооруженном конфликте. Так, например, по данным МВД России, в Санкт-Петербурге были задержаны злоумышленники, которые, используя поддельные документы и связи в военкоматах, оформляли фиктивные контракты и похищали социальные выплаты, предназначенные для военнослужащих. Общая сумма ущерба, по предварительным данным, может превышать 80 млн рублей [6]. Следовательно, необходимо усилить правовую защиту данной категории граждан и ужесточить ответственность за преступления, совершаемые в отношении ветеранов боевых действий.

С целью более эффективного превентивного воздействия на потенциальных преступников предлагаем ввести в ст. 63 УК РФ дополнительное отягчающее обстоятельство: «совершение преступления в отношении лица, которое заведомо для виновного является ветераном боевых действий или участником СВО».

Право ветеранов боевых действий на медицинское обеспечение закреплено в статье 16 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», а порядок обеспечения лекарственными препаратами определен постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2004 г. № 864, тем не менее, на практике исполнение этих норм недостаточно эффективно. Так, 40-летний житель Владимирской области, страдающий тяжелым хроническим заболеванием, имел право на бесплатное получение дорогостоящего лекарства стоимостью около 170 тыс. рублей за курс лечения, однако из-за несвоевременной закупки препарата государственным казенным учреждением

здравоохранения региона мужчина не получал лекарства. По результатам прокурорского представления закупка была произведена, и гражданин был обеспечен лекарством [2]. Следовательно, необходимо усилить контроль за деятельностью уполномоченных органов. Чтобы такого не повторялось, требуется обязать органы здравоохранения строго соблюдать сроки закупок по льготным программам, а также предусмотреть санкции за халатность. В частности, уже возбуждено дело по ст. 293 УК РФ против лиц, ответственных за отказ в предоставлении жилья ветерану-афганцу из примера, приведенного нами выше.

Библиографический список использованных источников

1. В Ростове-на-Дону возбуждено уголовное дело о нарушении жилищных прав участника боевых действий: СУ СК РФ по Ростовской области: официальный сайт. <https://rostov.sledcom.ru/news/item/1991355/> (дата обращения: 28.12.2025).
2. Во Владимире ветеран боевых действий не получал льготные лекарства // URL: https://newsvladimir.ru/fn_1665184.html (дата обращения: 01.01.2026).
3. Законопроект № 553128-8 // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/553128-8#bh_histras (дата обращения: 08.01.2026).
4. И. Краснов: За прошлый год органы прокуратуры восстановили права более 55 тысяч участников СВО // <https://council.gov.ru/events/news/165421/> (дата обращения: 08.01.2026).
5. Корякин В.М. Участник боевых действий, участник специальной военной операции, ветеран боевых действий: соотношение понятий // Вестник военного права. - 2025. - № 2. - С. 26-34.
6. МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/news/item/71395186/> (дата обращения: 26.12.2025).
7. О ветеранах: Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3 ст. 168.

8. Об удостоверении ветерана боевых действий: постановление Правительства РФ от 19 декабря 2003 года № 763 // Российская газета. 2003. № 259.
9. Пак В.О. О правовом статусе «ветеран» и разнице между категориями «ветеран Великой Отечественной войны», «ветеран боевых действий» и «ветеран вооруженных сил» // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XLIII Международной научно-практической конференции. Пенза. - 2024. - С. 208-213.
10. Решение Центрального районного суд г. Комсомольска-на-Амуре № 2-1151/2020 2-1151/2020~М-469/2020 М-469/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1151/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/1AtG3QZiVpWw/ (дата обращения: 29.10.2025).
11. Якушева С.Е. К вопросу о прокурорском надзоре за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2024. - №4. - С. 145.

УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Гораева Ульяна Сергеевна,

Студент 4 курса

ФГБОУ ВО УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева,

г. Екатеринбург, Россия,

uliagora@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы правового регулирования и практической реализации ст. 170 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом. Особое внимание уделяется противоречиям между формулировками ст. 170 УК РФ и действующим законодательством. Автор приходит к выводу о нецелесообразности дальнейшего существования ст. 170 УК РФ и предлагает её исключение из Уголовного кодекса.

Ключевые слова: незаконные сделки, регистрация заведомо незаконных сделок, занижение кадастровой стоимости, искажение сведений, экономические преступления, уголовное право, недвижимость, недвижимое имущество.

Редакция ст. 170 УК РФ, существовавшая до середины 2015 года, устанавливала уголовную ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей. Появление статьи было вызвано необходимостью борьбы с незаконным переходом права на землю.

В процессе существования данной нормы она была реформирована. Появилось наказание в виде лишения права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В диспозиции умышленное занижение размеров платежей за землю превратилось в занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Однако несмотря на существенные изменения, практической реализации ст. 170 УК РФ не получила. С 2019 г. по 2022 г. по официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по данной норме не вынесено ни одного обвинительного приговора [3, с. 76].

Анализ судебной практики подтверждает, что в случаях, предусмотренных ст. 170 УК РФ, фактически может применяться ст. 285.3 УК РФ или иные нормы УК РФ о должностных преступлениях. Суды применяют норму о должностном преступлении, а не об экономическом, даже когда деяние формально соответствует описанию ст. 170 УК РФ [1, с. 295].

В научном сообществе по поводу необходимости существования ст. 170 УК РФ сложились полярные точки зрения.

С одной стороны, Есаков Г.А. характеризует ее как ложное экономическое преступление, т.е. преступление, основной непосредственный объект которого не согласуется с родовым объектом преступлений, описанных в разделе VIII УК РФ, и считает, что ст. 170 следует исключить из кодекса [2, с. 56-58].

С другой стороны, Лаптев Д.А. полагает, что общественная опасность данного преступления в современных экономических условиях повышается, и борьба с ним является важнейшей правоохранительной задачей [4, с. 118].

Комплексный характер объекта преступления порождает сложности в его квалификации и является одной из причин научных споров. Анализ содержания уголовной нормы позволяет сделать вывод, что рассматриваемое преступление имеет два основных (альтернативных) непосредственных объекта. Нарушаются два вида общественных отношений – возникающие в связи с собственностью или иным законным владением (гл. 21 УК РФ) и в связи с реализацией требований достоверности сведений реестра [3, с. 77].

Некоторые авторы выделяют в качестве дополнительного объекта интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления [5, с. 149].

Объективная сторона ст. 170 УК РФ описана через три альтернативных деяния, совершаемых одним способом - с использованием своего служебного положения.

Первым деянием законодатель выделяет регистрацию должностным лицом заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом. Это положение вызывает практические затруднения, так как действующее гражданское законодательство не содержит положений о государственной регистрации именно сделок с объектами недвижимости, а государственная регистрация вещных прав на них, ограничений и обременений представляет собой принципиально иной вид регистрации, не подпадающий под действие ст. 170 УК РФ [6, с. 59].

Редакция второго деяния в ст. 170 УК РФ также не соответствует законодательству, поскольку кадастр недвижимости стал составной частью ЕГРН с 2017 года. Однако этот недостаток на применение не влияет.

Третьим альтернативным деянием законодатель называет занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости. Возникают сложности в определении субъектов данного преступления. Ими могут признаваться должностные лица Роскадастра, исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, уполномоченного на участие в сфере определения кадастровой стоимости объектов недвижимости [6, с. 65].

По моему мнению, конструкция ст. 170 УК РФ технически устарела и не синхронизирована с действующей системой уголовного права.

Наиболее перспективным направлением реформы представляется не дальнейшая точечная корректировка ст. 170 УК РФ, а ее интеграция в общую норму ст. 285.35 УК РФ: внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений. Ее предметом являются все реестры, кроме

ЕГРН, включая Единый государственный реестр юридических лиц, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, Единый государственный реестр налогоплательщиков [6, с. 61]. В связи с этим возникает закономерный вопрос о задачах существования отдельной нормы, регулирующих только действия с ЕГРН. По моему мнению, необходимо дополнить ст. 285.35 УК РФ положениями диспозиции 170 УК РФ, а саму норму упразднить.

Кроме того, для установления субъективной стороны ст. 285.3 УК РФ не требуется установления корыстной или иной заинтересованности. Норма также содержит квалифицирующие признаки, которых не хватает в ст. 170 УК РФ: совершение группой лиц по предварительному сговору и причинение тяжких последствий.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что ст. 170 УК РФ в ее текущем виде является неэффективной и противоречивой. Предлагается внести в уголовное законодательство следующие изменения: 1) ст. 170 УК РФ признать утратившей силу; 2) в ст. 285.3 УК РФ добавить новые части, предусматривающие основной и квалифицированные составы о фальсификации ЕГРН.

Данная мера позволит унифицировать подход к ответственности за фальсификацию реестровой информации, устранить существующие законодательные противоречия и создать более эффективный правовой инструмент для борьбы с преступлениями в сфере оборота недвижимости.

Библиографический список использованных источников

1. Ако Г.С. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: экономическое или должностное преступление? // Юридическая наука. 2025. №6. С. 295.
2. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 56-58.

3. Коренная А.А. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы уголовной ответственности (ст. 170 УК РФ) // Искусство правоведения. The art of law. 2023. №4 (8). С. 76-77.
4. Лаптев Д.А. Вопросы совершенствования статьи 170 Уголовного кодекса РФ // Право и практика. 2022. № 4. С. 118.
5. Мурадян С.В. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 170 Уголовного кодекса РФ // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 149.
6. Шишко И.В., Богданова И.С. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК Российской Федерации): актуальное толкование и пути совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 4. С. 59-65.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ЭПОХУ ЦИФРЫ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ РОЛИ НА СТАДИИ СЛЕДСТВИЯ

Жидков Данила Игоревич,

студент 2 курса

ФГБОУ ВО РАНХиГС,

г. Орёл, Россия,

dol.zhidkov.18@mail.ru

Аннотация: Эта статья исследует, как процессы цифровизации – от электронного уголовного дела до новой природы доказательств – перестраивают фундаментальную функцию прокурора на досудебной стадии. Предлагается не просто модернизация, а концептуальная адаптация надзора, сочетающая изменения в законе, новые методики проверки и рост цифровой компетенции самих прокуроров.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предварительное следствие, цифровизация уголовного процесса, электронное уголовное дело, электронные доказательства, процессуальные полномочия прокурора, законность, уголовно-процессуальное право, информационные технологии.

Ключевая роль прокурора как гаранта законности на стадии предварительного расследования давно воспринимается как аксиома. Полномочия, прописанные в УПК РФ – от отмены постановлений следователя до санкционирования ареста, – формировались в логике физического документооборота. Прокурор работал с бумажным делом, где каждая

резолуция, подпись или подшитый протокол обладали осязаемой материальностью. Эта материальность была не просто формой, а средой, в которой надзор обретал конкретные очертания. Сегодня эта среда стремительно уходит в прошлое, уступая место потокам данных.

Цифровизация уголовного процесса – не просто техническое обновление, а смена парадигмы. Электронное уголовное дело (ЭУД) – это уже не архивная папка, а динамичная база данных, доступ к которой осуществляется через защищённые интерфейсы [3, с. 206]. Цифровые доказательства, будь то переписка в мессенджере или метаданные с сервера, представляют собой информацию, чей объём и природа ломают привычные представления о вещественности. Следователь теперь оперирует не только уликами, но и алгоритмами их извлечения. В этой новой реальности надзор, построенный на визуальном контроле бумажного листа, неизбежно даёт сбои, рискуя превратиться в ритуал без содержания.

Одна из самых острых проблем – угроза формализации. Столкнувшись с гигабайтами данных в ЭУД, прокурор физически лишён возможности «пропустить через себя» весь массив информации так, как это делалось с бумажным томом. Внимание вынужденно скользит по поверхности, фокусируясь на формальном соответствии документов шаблону, а не на внутренней логике расследования. Возникает парадокс: техническая прозрачность системы оборачивается содержательной непрозрачностью для контролирующего органа [1, с. 237]. Надзор рискует стать работой с интерфейсом, а не с сутью дела.

Ещё сложнее обстоит дело с проверкой законности работы с цифровыми доказательствами. Как может прокурор, юрист по образованию, оценить обоснованность изъятия данных с зашифрованного диска или корректность создания их криминалистической копии? Без понятного заключения специалиста, переведённого на язык правовых критериев, материалы выглядят для него как «чёрный ящик». Он видит постановление следователя и

приложенные файлы, но не обладает ключом к пониманию, была ли соблюдена техническая процедура, гарантирующая аутентичность этих улик. Надзор в этой части сводится к вере в добросовестность и компетентность следователя, что явно противоречит самому принципу независимого контроля.

Аналогичные трудности возникают при санкционировании следственных действий в цифровом пространстве – например, выемки электронной почты или контроля интернет-переговоров. Ходатайство следователя может изобиловать специальными терминами, за которыми прокурору сложно разглядеть соразмерность планируемого вмешательства и предполагаемой цели. Санкция, выданная без глубокого понимания сути действий, становится не обоснованным решением, а административной преградой, что размывает её правозащитный смысл [2, с. 17].

Эти вызовы требуют не косметических поправок, а системного переосмысления механизмов надзора. Начать следует с законодательства. В УПК РФ необходимо закрепить обязанность приобщать к делу краткое, но содержательное пояснение специалиста при работе со сложными цифровыми доказательствами. Это пояснение должно раскрывать, каким методом получены данные и как обеспечена их неизменность, – только тогда у прокурора появится предмет для содержательной правовой оценки. Требования к ходатайствам о «цифровых» следственных действиях также нуждаются в конкретизации: обоснование должно быть изложено так, чтобы лицо, не владеющее узкопрофильными знаниями, могло понять его суть и необходимость.

Однако закон без подкрепления практикой останется мёртвой буквой. Генеральной прокуратуре пора разработать детальные методические рекомендации, которые стали бы для районных прокуроров своего рода навигатором в цифровом следе. Как проверять протокол изъятия электронных носителей? На какие «красные флаги» в действиях следователя обращать

внимание? Чёткие алгоритмы помогут превратить растерянность перед новыми технологиями в структурированную проверку.

Наконец, ключевое условие – изменение самих носителей надзорной функции. В крупных прокуратурах имеет смысл формировать специализированные подразделения, фокусирующиеся на надзоре за расследованием киберпреступлений. Их сотрудники должны обладать не только юридическим, но и базовым техническим кругозором. Соответственно, программы повышения квалификации для прокуроров должны включать не абстрактные лекции об IT, а практические модули, объясняющие, как «читается» цифровое дело и в чём заключаются типичные ошибки при сборе электронных улик.

Преобразование прокурорского надзора в условиях цифровизации – это вопрос не только эффективности, но и легитимности всего досудебного производства. Если контроль за следствием превратится в фикцию из-за технологического разрыва, это подорвёт доверие к правосудию в принципе. Цель заключается не в том, чтобы сделать прокурора экспертом-криминалистом, а в том, чтобы вернуть его надзорным полномочиям ту содержательную глубину и действенность, которые были их сутью в аналоговую эпоху. Цифровая среда не отменяет потребность в законности – она лишь требует для её обеспечения новых, более изощрённых инструментов. Их создание сегодня – это инвестиция в устойчивость и справедливость правовой системы завтрашнего дня.

Библиографический список использованных источников

1. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: учебник. – М.: Проспект, 2006. – 536 с.
2. Гаврилов Б.Я. Роль органов прокуратуры в обеспечении в современных условиях законности в уголовном судопроизводстве // Деятельность

прокуратуры Российской Федерации в обеспечении законности в условиях современных вызовов. – 2025. – С. 14–24.

3. Евлоев Т.Я. Современное состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6. – С. 205–211.

УДК 34. 4414

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ОСОБОЙ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ДИКИХ ЖИВОТНЫХ**

Кабает Валентин Алексеевич,

студент 4 курса

Оренбургского института (филиала)

«Московского государственного юридического университета

им. О.Е. Кутафина»,

г. Оренбург, Россия,

val.kab.2004@mail.ru

Научный руководитель:

Кузьмина М.В.,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского и трудового права

Оренбургского института (филиала)

«Московского государственного юридического университета

им. О.Е. Кутафина»,

г. Оренбург, Россия

Аннотация: статья исследует международно-правовые механизмы охраны редких и исчезающих видов дикой фауны и флоры в контексте глобального сокращения биоразнообразия. Обосновывается необходимость особого правового режима для «особо охраняемых видов», статус которых определяется включением в Красные книги. Основное внимание уделено анализу трёх ключевых конвенций: Конвенции о биологическом разнообразии, Конвенции СИТЕС - регулирование международной торговли

через систему разрешений и Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов - координация действий государств ареала. Подчёркивается фрагментарный, но практико-ориентированный характер международного экологического права и роль России в имплементации данных соглашений, включая участие в отдельных соглашениях, не будучи стороной базовой конвенции (на примере охраны стерха).

Ключевые слова: международное экологическое право, особо охраняемые виды, биоразнообразие, Конвенция СИТЕС, Конвенция о биологическом разнообразии, Боннская конвенция, мигрирующие виды, правовая охрана животных и растений.

Данные Всемирного фонда дикой природы свидетельствуют о катастрофическом сокращении глобальной биомассы на 68% за последние полвека [1]. Ключевым фактором этого процесса, ведущего к утрате биологического разнообразия, выступает неконтролируемая эксплуатация природных популяций. Животные и растения истребляются ради коммерческого использования их частей и дериватов, что в истории уже привело к необратимому исчезновению множества уникальных видов, таких как стеллерова корова, тарпан и квагга и др.

В этой связи первостепенной задачей правового регулирования становится идентификация и правовое выделение объектов, нуждающихся в особых, повышенных мерах защиты. В научном дискурсе для таких видов используются различные термины: «редкие и исчезающие», «находящиеся под угрозой исчезновения». Наиболее точным и содержательным представляется термин «особо охраняемые виды диких животных и растений», который прямо указывает на необходимость специального правового режима. Формальным основанием для присвоения этого статуса служит включение вида в перечни Красных книг, издаваемых на международном уровне или на уровне национальных государств, включая Российскую Федерацию.

Проблема охраны подобных видов животных и растений, составляющей часть охраны всех объектов животного и растительного мира, относится к числу первоочередных, требующих своего разрешения в силу все более возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду. Сохранение редких и исчезающих видов животных и растений имеет огромное значение для поддержания экологического равновесия в природе, формирования нравственных ценностей, удовлетворения потребностей общества. Справедлив тезис о том, что «идея охраны редких и исчезающих видов животных и растений из альтруистической заботы переросла в международную комплексную проблему, получила всеобщее признание и станет еще более актуальной в будущем» [2, с. 22].

Решающую роль в решении этой проблемы играет международное право. Лишь при хорошо слаженном механизме международного контроля можно минимизировать негативное воздействие деятельности человека на окружающую природную среду, в том числе на животный и растительный мир как главные ее составляющие. Поскольку многие уязвимые виды мигрируют через границы или обитают на территориях нескольких стран, только скоординированные межгосударственные действия, закрепленные в международных договорах и конвенциях, могут создать эффективный механизм контроля и минимизировать негативное воздействие человека на живую природу. Данными международно-правовыми актами под охрану берутся объекты животного и растительного мира, находящиеся под угрозой исчезновения, и объекты, которые имеют неблагоприятный статус сохранности. Количество таких объектов продолжает увеличиваться.

Федеральным законом от 15 июня 1995г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права - принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Россия является активным участником международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Международные договоры являются одним из важнейших средств такого сотрудничества, способствующим расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, включая субъектов национального права.

Следует констатировать, что регулирование экологических отношений между государствами и иными субъектами международного права характеризуется высокой степенью фрагментарности и отсутствием системного подхода. До сих пор в этой области нет единого кодифицирующего акта, хотя попытки по его подготовке принимаются. В нормотворческой деятельности доминирует пообъектный подход, когда принимаются соглашения, направленные на охрану и использование отдельных природных объектов [3, с. 493].

Вопросы охраны и защиты редких видов дикой фауны и флоры стали предметом рассмотрения и обсуждения специалистами в области экологического права в конце XIX века. Впоследствии эти проблемы встали уже перед всей мировой общественностью. Именно с дела защиты животного и растительного мира берет свое начало природоохранная деятельность государств как таковая.

В 1913 году в Берне была проведена первая в истории межправительственная Конференция по международной охране природы, в которой участвовало 17 государств, включая Россию. На ее открытии прозвучали такие слова: «Истребление ценных видов растений и животных приняло в наше время действительно ужасные размеры, и пора, наконец, всем благоразумным людям сойтись в твердом решении положить конец этому истребительному неистовству и сохранить, насколько возможно, то, что еще можно спасти» [2, с. 23].

Главенствующее место среди международных соглашений об охране животного мира принадлежит Конвенции о биологическом разнообразии 1992

года (Рио-де-Жанейро), сторонами которой являются более 180 государств мира. Текст Конвенции был открыт для подписания 5 июня 1992 года на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (саммит «Земля» в Рио). Конвенция вступила в силу 29 декабря 1993 года. Конвенция преследует три основные цели: сохранение биологического разнообразия; устойчивое использование его компонентов; справедливое распределение выгод от использования генетических ресурсов. Её цель — разработка национальных стратегий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия. Согласно ее положениям, государства обязаны принимать меры по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, которое признается «общим интересом человечества». В Конвенции предусматриваются меры по охране объектов животного мира как в естественной среде обитания, так и в искусственных условиях.

В целях эффективной борьбы с браконьерством, незаконной торговлей редкими видами природных ресурсов, а также для организации эффективного контроля за экспортно-импортными операциями с животными и растениями 3 марта 1973 года в Вашингтоне была подписана Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). Российская Федерация, согласно декларации, вступившей в силу 1 января 1992 года, осталась стороной СИТЕС как правопреемник СССР, в числе других 175 государств. Цель Конвенции состоит в том, чтобы гарантировать, что международная торговля дикими животными и растениями не создаёт угрозы их выживанию.

СИТЕС представляет собой правовую основу и определяет общие процессуальные механизмы для регулирования торговли перечисленными в ней видами дикой фауны и флоры. Сама торговля осуществляется на основании системы разрешений и сертификатов. Конвенция СИТЕС регулирует торговлю только теми видами флоры и фауны, которые включены в Приложения I, II и III к Конвенции.

Приложение I включает все виды, находящиеся под угрозой исчезновения, торговля которыми означает или может оказать на их существование неблагоприятное влияние (виды, над которыми нависла наибольшая угроза в мировом масштабе), например, гепард, леопард, тигр, ягуар, барс снежный, гималайский медведь и т.д. Перемещение таких видов в коммерческих целях запрещено, за исключением экземпляров, являющихся вторым поколением при размножении животных в питомниках (включая зоопарки), зарегистрированных в установленном порядке Секретариатом СИТЕС. Для вывоза объектов СИТЕС Приложения I необходимо получение как экспортного, так и импортного разрешения СИТЕС.

Для экспорта любого образца вида, включенного в Приложение I, требуется предварительная выдача и предъявление разрешения на экспорт. Разрешение на экспорт выдается только при выполнении следующих условий:

1. Научный орган экспортирующего государства вынес заключение, что такой экспорт не угрожает выживанию этого вида;
2. Административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что данный образец не был приобретен в нарушение законов данного государства, относящихся к защите фауны и флоры;
3. Административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что любой живой образец будет подготовлен и отправлен таким образом, чтобы свести к минимуму риск повреждения, угрозы здоровью или жестокого обращения;
4. Административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что было выдано разрешение на импорт этого образца.

В Российской Федерации Административными органами СИТЕС определены Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) в отношении объектов кроме осетровых видов рыб, и Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) в отношении осетровых видов рыб, включая икру, которые осуществляют выдачу

разрешений (сертификатов) СИТЕС; научный орган – ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды».

Приложение II включает все виды, которые в данное время хотя и не обязательно находятся под угрозой исчезновения, но могут оказаться под такой угрозой, если торговля образцами таких видов не будет строго регулироваться в целях недопущения такого использования, которое несовместимо с их выживанием. Например, сайгак, несколько видов лисиц и волков.

Приложение III СИТЕС включает виды, которые по определению любого государства-участника СИТЕС подлежат регулированию в пределах его юрисдикции в целях предотвращения или ограничения эксплуатации и в отношении которых необходимо сотрудничество других государств-участников Конвенции СИТЕС в контроле за торговлей.

Можно прекрасно организовать охрану любого вида птиц на местах размножения, но если этот вид будет интенсивно истребляться на местах зимовок, общий эффект будет незначительным. Наличие мигрирующих видов, в том числе редких и находящихся под угрозой исчезновения, выдвигает требование координации природоохранительной деятельности соседних государств либо групп государств в пределах крупных географических регионов, оказавшихся ответственными за их сохранение. Именно на такую координацию нацелена Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных, иначе называемая Боннской конвенцией [3, с. 505].

Основные принципы конвенции изложены в статье 2. Стороны признают важность сохранения мигрирующих видов и согласия государств ареала на принятие мер для достижения этой цели «всякий раз, когда это возможно и целесообразно», «уделяя особое внимание мигрирующим видам, состояние которых неблагоприятно, и принимая индивидуальные меры для любого мигрирующего вида, находящегося под угрозой исчезновения».

Пункт 3 ст. 2 Конвенции гласит, что Стороны должны: а) способствовать осуществлению научных исследований, относящихся к мигрирующим видам, и сотрудничать в их осуществлении; б) прилагать усилия к обеспечению незамедлительной охраны мигрирующих видов, включенных в Приложение I; с) прилагать усилия к заключению Соглашений о сохранении включенных в Приложение II мигрирующих видов и управлении ими.

Статья V конвенции определяет, что должны включать соглашения, заключённые под её эгидой. Каждое Соглашение должно: а) определять мигрирующий вид, являющийся предметом Соглашения; б) содержать описание ареала и путей миграции данного мигрирующего вида; с) предусматривать назначение каждой Стороной своих национальных органов, ответственных за осуществление Соглашения; d) предусматривать механизм для содействия достижению целей Соглашения, контроля за его эффективностью; е) предусматривать процедуры для урегулирования споров между Сторонами Соглашения; f) запрещать в отношении мигрирующего вида отряда китообразных любое добывание особей данного мигрирующего вида, которое не допускается каким-либо иным многосторонним Соглашением, и предусматривать возможность присоединения к этому Соглашению государств, которые не являются государствами ареала данного мигрирующего вида.

Боннская конвенция действует как рамочная конвенция и поощряет свои государства-участники заключать глобальные или региональные соглашения. Обычно это юридически обязательные договоры, направленные на «восстановление благоприятного состояния сохранности соответствующих мигрирующих видов или поддержание его». Например, Соглашение о сохранении китообразных Чёрного моря, Средиземного моря и прилегающей Атлантики; афро-евразийских мигрирующих водоплавающих птиц, горилл и их сред обитания, тюленей Ваттового моря.

Кроме того, под эгидой данной конвенции было заключено несколько меморандумов о взаимопонимании. Хотя они не являются полноценными соглашениями, эти меморандумы также направлены на сохранение различных мигрирующих видов. Например, Меморандум о взаимопонимании по сохранению высокогорных андских фламинго и их сред обитания; сохранению и восстановлению бухарского оленя; по мерам сохранения западноафриканских популяций африканского слона.

Суть охранительного механизма Боннской конвенции заключается в разработке и реализации совместных мер, заключающихся в запрещении добычи представителей угрожаемых видов, сохранении их местообитаний и контроле неблагоприятного воздействия. Конвенция имеет два Приложения.

Приложение I содержит список мигрирующих видов, для которых имеются убедительные доказательства угрозы их исчезновения по всему ареалу (включая пути миграций и места зимовок) или на значительной его части. Сюда включены голубой кит, горбатый кит, белоплечий орлан и другие виды. Стороны, являющиеся государствами, расположенными на путях миграций, должны (за рядом исключений) запретить изъятие особей, относящихся к видам Приложения I, стремиться к сохранению и, по возможности, к восстановлению местообитаний этих видов, предупреждению появления или уменьшению препятствий для миграций, предупреждению, сокращению или контролю угрожающих им воздействий.

В Приложении II перечислены мигрирующие виды с неблагоприятным природоохранным статусом, для сохранения которых требуется заключение международных соглашений, а также виды, чей природоохранный статус мог бы существенно улучшиться благодаря международному сотрудничеству. В Приложение II включены такие виды как африканский слон, саблерогая антилопа, кудрявый пеликан, все соколиные, ястребиные и утиные. Стороны должны прилагать усилия к заключению соглашений, полезных для видов, занесённых в Приложение II, а также соглашений, касающихся любой

географически обособленной части популяции любого вида или более низкого таксона диких животных, которые периодически пересекают одну или несколько границ национальной юрисдикции. При необходимости один и тот же вид может быть включен как в Приложение I, так и в Приложение II.

Главная особенность состоит в том, что в заключаемых в рамках Конвенции соглашениях могут участвовать государства, не являющиеся ее Сторонами. Именно к таким государствам относится Российская Федерация, которая не присоединилась к Боннской конвенции, но участвует в мероприятиях, предусмотренных ими, принимает меры по сохранению биоресурсов, находящихся под угрозой исчезновения, и мест их обитания. К их числу относится Меморандум о взаимопонимании в области принимаемых мер по охране стерха, подписанный Россией в 2001 году. Стерх (сибирский журавль) относится к наиболее редким видам птиц мировой фауны, и его популяция, гнездящаяся только на севере Сибири, находится под угрозой исчезновения. Без участия нашей страны указанный Меморандум практически потерял бы свою действенность, так как именно Российская Федерация является ключевой страной ареала данного вида [3, с. 507].

Кроме того, РФ является участником двусторонних Конвенций об охране перелетных птиц и среды их обитания с Японией, США, Индией и КНДР, которые во многом схожи с положениями Боннской Конвенции. Данные международные договоры схожи по тексту и предусматривают согласованные действия Сторон в отношении видов и подвидов птиц, о которых имеются свидетельства о их миграции между обеими странами, а также видов и подвидов птиц, популяции которых обитают в обеих странах и имеют общие пути пролета, области размножения, зимовок, кормления или линьки и по этим причинам между такими популяциями существует или может существовать обмен особями.

Главное требование Конвенций заключается в установлении Сторонами запрета на добывание перелетных птиц, сбора их гнезд и яиц, на нарушение

состояния гнездовых колоний. Запрещается также любая продажа, покупка или обмен, импорт и экспорт этих птиц живыми или мертвыми, а также их гнезд, яиц и изготовленных из них продуктов. Исключение из этих запретов может быть сделано на основании законодательства каждой Стороны в следующих случаях: а) для научных, просветительских целей, разведения этих птиц или других специфических задач, не противоречащих целям Конвенции; б) в целях охраны человеческой жизни и имущества; в) в сезоны охоты; г) в охотничьих угодьях, где охота ведется на искусственно разведенных птиц. Для сохранения тех видов, которые находятся под угрозой исчезновения, Сторонами должны приниматься специальные меры охраны, включая взаимное информирование, проведение научных исследований по согласованным программам, а также осуществление строгого контроля за выполнением конвенции.

Библиографический список использованных источников

1. WWF сообщил о сокращении за 50 лет популяции животных в мире на 68 % // Интерфакс: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/world/725335> (дата обращения: 28.01.2024).
2. Петрова Т.М. Преступления против особо охраняемых диких животных и растений... канд. юр. наук, 2024. Режим доступа: <https://inlnk.ru/G6J6ZE>
3. Чашкин П.В. Международные договоры Российской Федерации, обеспечивающие охрану редких и исчезающих видов животных / Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Вып. 12.

Сфера науки. 2026. Том 1. №1.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №1

Январь 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026